

СЕРГЕЙ ГЛЕЗЕРОВ

МОДНЫЕ
УВЛЕЧЕНИЯ
Листательного
ПЕТЕРБУРГА

КУМИРЫ • РЕКОРДЫ • КУРЬЕЗЫ

Сергей Евгеньевич Глезеров
Модные увлечения
блистательного Петербурга.
Кумиры. Рекорды. Курьезы
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67025288

Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды.

Курьезы. / Глезеров С.Е.: Центрполиграф; Москва; 2022

ISBN 978-5-227-09729-3

Аннотация

Эта книга откроет вам удивительный мир блистательного Санкт-Петербурга, рисуя живописную картину закулисной жизни города в начале XX века. Вы узнаете, какие кумиры покоряли умы и сердца петербуржцев; какие спортивные рекорды, театральные постановки и произведения искусства не оставляли равнодушными как людей образованных, так и простых обывателей; множество фактов и курьезных случаев, освещенных в журнальной прессе того периода; и много других любопытных сведений о жизни Северной столицы.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей: школьникам, студентам, историкам, любителям культуры и

спорта – всем, кто хочет узнать о Петербурге и его жизни как можно больше.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление	9
Гимнастика: «И телом здоров, и душа не слаба!»	45
В битве гимнастических систем	46
«Вот где творится великое дело светлого будущего»	53
«Эра насаждения здорового спорта»	62
«Русский сокол – для всех русских граждан!»	68
Партерные гимнасты	85
По системе Далькроза	90
Легкая атлетика: «Прыгал с замечательной легкостью...»	101
«Бег толстяков»	102
Заморский скороход и русские подражатели	105
Петр Москвин и тярлевские спортсмены	111
«Русский марафон»	123
«Царскосельский сбор спортсменов»	128
«Забег в тулупах»	131
«Соединиться с Петербургом бегом»	133
Праздник британских матросов	135
Баскетбол: Американская забава «васькинбол»	138
Акробатика: «Похождения канатоходца»	142
Тяжелая атлетика: «Мы все в восторге от борцов...»	147

«Отец русской тяжелой атлетики»	151
«Спортсмен-меценат»	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Сергей Глезеров

Модные увлечения

блистательного Петербурга.

Кумиры. Рекорды. Курьезы

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

© Глезеров С.Е., 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

© «Центрполиграф», 2022

Вступление

Об эпохе «блистательного Санкт-Петербурга» написано столько, что, казалось бы, уже и добавить нечего. Мы очень много знаем про архитектурную, художественную, театральную, литературную, философскую, политическую, военную жизнь того времени, а вот спортивные и около-спортивные занятия, увлечения и развлечения петербуржцев сих пор незаслуженно оставались в тени, хотя они являлись неотъемлемой и яркой стороной жизни столицы начала XX в. Картина «блистательного Санкт-Петербурга» будет неполна без лихих велосипедистов и бесстрашных «шофферов», без катков на реках и каналах, велотреков, скетинг-ринков и кегельбанов в дачных пригородах, без футбольных матчей и конькобежных состязаний, без обожаемых публикой чемпионатов французской борьбы, скачек на ипподроме и «concourse hippique» в Михайловском манеже.

Вполне возможно, что исследователи отдельных видов спорта найдут в этом труде разночтения, касающиеся долей секунд, принесших тот или иной рекорд. Предвидя подобное «разглядывание под лупой», я постарался максимально освободить книгу от подобных деталей, хотя и достаточно важных, но в данном случае не столь существенных. Предувижу и еще один упрек дотошных историков спорта – они наверняка скажут: мол, тут не упомянут такой-то рекорд, а

здесь не показана выдающаяся роль такого-то футболиста (гребца, пловца, конькобежца и т. п.). На такие упреки хотелось бы ответить заранее: эта книга ни в коей мере не претендует на фундаментальное описание истории спорта в Петербурге в начале XX в. Задача здесь была совсем иная. Во главу угла ставился вопрос: какую роль играли спортивные занятия и увлечения в досугах горожан в эпоху «блистательного Санкт-Петербурга»?

Сам термин «спорт» происходит от древнелатинского слова «диспорtare», что значит «развлекаться». В России термин «спорт» впервые упомянули в 1851 г. Тогда в газете «Северная пчела», издаваемой знаменитым литератором Фаддеем Булгариным, появилось утверждение, что под понятием «спорт» подразумеваются «все гимнастические упражнения или забавы. Сюда же принадлежит псовая охота, стрельба в цель, фехтование, верховая езда, охота, рыболовство, мореплавание».

В начале прошлого века под понятие «спорт» подводилась весьма широкая область занятий, поэтому по значению оно довольно близко подходило к современному значению «хобби». Спортом называлось любое страстное увлечение, в котором присутствовал элемент состязательности, а само слово «спортсмен» нередко являлось синонимом «любителю» и «охотнику».

Спортивные и околоспортивные занятия воспринимались в ту пору современниками очень неоднозначно. Одними

спорт оценивался как «барская» забава, другими, наоборот, как занятия простолюдинов. Впрочем, можно сказать, что и те и другие по-своему были правы.

Действительно, многие игры и занятия являлись принадлежностью народного быта, а впоследствии трансформировались в современные виды спорта. Среди них – кулачный бой, прыжки, бег наперегонки, городки и т. д. Широкое распространение в народном быту имели также ходьба на лыжах, катание на санках, хождение под парусами, стрельба из лука, верховая езда. С другой стороны, в среде дворянства с петровских времен уделялось особое внимание парусному и гребному спорту. В быту дворянской знати широкой популярностью пользовались фехтование на эспадронах, саблях, рапирах, мечах и кинжалах; стрельба из ружей, лука и пистолетов; охота, верховая езда. Значительное место занимали игры с мячом, шахматы и шашки.

Однако все эти занятия не воспринимались как спорт – они служили средством развлечения, способом подготовки к военной службе, входили в систему воспитания. Распространение фехтования и стрельбы связывалось с дуэлями, служившими в дворянской среде средством защиты чести и достоинства.

В первой половине XIX в. перечень спортивных занятий, культивировавшихся в среде аристократии, постепенно расширялся. Появлялись различные фехтовальные, стрелковые, гимнастические и плавательные частные спортивные

заведения – в большинстве своем их открывали предприимчивые иностранцы. Временем, когда спорт из дворянской «привилегии» стал превращаться в занятие средних слоев общества, стала пореформенная эпоха в России, то есть время, связанное с отменой крепостного права в 1861 г., либеральными реформами и развитием капитализма.

Спорт делился на любительский и профессиональный. Любителем тогда назывался спортсмен, занимавшийся спортом, не прекращая своей служебной деятельности и не получая за это никакого материального вознаграждения. Профессионалом же считался тот, для кого спорт служил основным источником существования. С этой точки зрения профессионалами-спортсменами были борцы и атлеты, выступавшие в цирках, велосипедисты – на треках, наездники – на ипподромах, а также авиаторы и мотогонщики, своими выступлениями рекламировавшие продукцию коммерсантов и фабрикантов.

В начале XX в., в эпоху «блистательного Санкт-Петербурга», наибольшее распространение из видов спорта получили гимнастика, футбол, лыжный и конькобежный спорт, борьба, легкая атлетика, гребной спорт, поднятие тяжестей. Первые шаги делали баскетбол, плавание, авто-, мото- и авиаспорт. В городах и губерниях страны стали проводиться многочисленные соревнования, а по некоторым видам спорта разыгрывались первенства России.

Картина К.А. Сомова «Зима. Каток» (1915) изображала катания придворной аристократии на коньках в конце XVIII – начале XIX вв.

К концу первого десятилетия XX в. спортивная жизнь в Петербурге и его окрестностях достигла широкого развития. Как известно, одними из первых спортивных клубов в России явились С.-Петербургский Речной клуб, возникший в 1860 г., и Речной яхт-клуб в Москве, появившийся на семь лет позднее. А к началу Первой мировой войны в России

насчитывалось более 1200 спортивных, охотничьих и рыболовных клубов и обществ. Спортивные клубы (их было около 800) объединяли около 50 тысяч спортсменов.

Кстати, существовала и еще одна любопытная сторона деятельности спортивных обществ. Как известно, Петербург всегда являлся городом многонациональным, и спортивные общества в старом Петербурге нередко складывались по национальному признаку. Питерские иностранцы нередко приносили в жизнь нашего города свои традиции, в том числе и спортивные. Так, именно с английского общества «Стрела», основанного в 1864 г., в Петербурге начинался гребной спорт, а благодаря чехам в нашем городе появилось сокольское движение. Участие в национальных кружках являлось не только делом спорта, но и служило доказательством своего национального самоутверждения.

Какие же факторы послужили толчком для спортивного взлета начала XX в.? Во-первых, спорт стал постепенно превращаться из занятия элитного в общедоступное. «Спорт уже перестал быть, как раньше, роскошью, доступной только богатому классу, – говорилось в 1909 г. в журнале «Спортивное слово». – Он начал проникать и в массу трудящихся: приказчиков, рабочих и даже крестьян». «Петербургжцы с каждым годом все больше и больше увлекаются спортом. Лет двадцать тому назад спортом у нас занимались только англичане и шотландцы, – замечал в начале XX в. обозреватель «Петербургской газеты». – Теперь все слои общества

занимаются спортом».

Во-вторых, интерес к спорту подогревался всемирной известностью наших соотечественников-атлетов. А еще одним толчком стала, как ни странно, Русско-японская война 1904—1905 гг. Несмотря на пропагандировавшееся шапкозакидательство и тяжелое похмелье после бесславного конца войны, рассказы о японской выносливости, ловкости и энергии произвели большое впечатление на русскую общественность. Многие стали задумываться, что в России слишком много увлекаются философствованием и очень мало уделяют внимания собственному телу и физическому здоровью.

Особое значение в обществе для признания ценности спорта имел успешный дебют российских спортсменов на IV Олимпиаде в Лондоне в 1908 г. Стали раздаваться мнения, что победа спортсменов из России говорит о том, что спорт в нашей стране перестал восприниматься «забавой богатых людей», а может и должен стать делом национальной чести...

Однако вот парадокс: хотя спортивные занятия пользовались достаточной популярностью, непосредственно к спорту в среде «белых воротничков» зачастую относились свысока. Н.А. Панин-Коломенкин, вспоминая о своей работе в финансовом ведомстве, отмечал: «В этой бюрократической среде, не исключая и инспекторов, в которые за редким исключением попадали люди только с высшим образованием, господствовал весьма пренебрежительный взгляд на спорт и спортсменов, взгляд, граничивший с презрением. Мне дол-

гое время приходилось переносить от сослуживцев иронические улыбки, намеки, а иногда и прямые насмешки».

В обществе то и дело обсуждался вопрос: какие же задачи вообще преследует спорт? «На подвижные игры в наше время смотрят почему-то как на детскую забаву, недостойную уравновешенного солидного человека „с положением”. Помилюйте, что скажет свет, если какой-нибудь Иван Иванович стянет с себя виц-мундир и, облачившись в короткие панталоны, станет гонять ногами мяч по полю?» – так писал в начале 1910-х гг. ныне совершенно забытый петербургский литератор Л. Гданский, автор множества книг, вышедших в ту пору в серии «Библиотека спорта».

Руководители гимнастического общества «Польский сокол» в «сокольских» костюмах. 1907 г. Фотограф Карл Булла

«Скоро ли, наконец, в России повсюду поймут, что спорт не баловство, а необходимость для жизни человека, как пища и сон?» – задавал риторический вопрос автор публикации в журнале «Спортивное слово».

Спорт есть не что иное, как элемент просвещения! – такую точку зрения можно встретить на страницах газеты «Эхо спорта и театра». Свой взгляд она обосновывала следую-

щим образом: «Чем культурнее страна, чем просвещеннее ее граждане, тем более развиты в ней все виды спорта... Ныне, когда кончилась темная полоса нашей истории, вместе со светом просвещения мы видим все более и более растущий интерес к спорту. Вместе с чувством гражданственности пробудилась и заговорила горячая, спортивная славянская кровь. Мы надеемся и верим, что наши спортсмены займут то недостижимое для других место, которое в области культуры уже занято Толстым, Мечниковым, Шаляпиным и Репиным».

«Увлечение спортом охватило все классы общества: и средние, и высшие, штатские круги и военные, — констатировал в 1914 г. на страницах «Петербургской газеты» известный в ту пору писатель Николай Брешко-Брешковский. — Наряду с действительным или кажущимся вырождением, в Петербурге выковывается новая порода молодежи, ведущей аскетический образ жизни и все свои силы отдающей не любовным утехам и вину, а спорту, в который уходит весь избыток энергии.

Давно ли минули те годы, когда наша столичная молодежь, штатская и гвардейская, не садилась за стол без стакана вина? И завтракать, и обедать без вина казалось непонятным и странным. На днях я положительно залюбовался одним молодым, здоровым и сильным, как центавр, кавалеристом, который на радушное приглашение хозяина выпить вина просто сказал: „Я не пью ничего спиртного. Это ме-

шало бы мне заниматься спортом”. А меж тем этот симпатичный офицер – представитель одного из самых блестящих полков и выпускник одного из тех штатских привилегированных учебных заведений, где еще совсем недавно пить вино считалось молодечеством. И это не исключение. С каждым годом все больше и больше таких молодых людей. И нельзя от всей души не приветствовать новую породу сильных и крепких центавров, бросивших перчатку вырождению XX в.»

О растущей популярности спорта говорило и то, что сюжеты на тему здорового образа жизни все чаще попадали в «кадры» почтовых открыток. На них модные спортивные занятия сопутствовали здоровью, силе и благополучию – как душевному, так и материальному. «Ничто так не укрепляет нервы, ничто так не развивает мускулы, ничто не требует столько осмотрительности, смелости и решительности, выработывая в то же время гибкость и ловкость, ничто так благотворно не развивает силу воли, как бег на лыжах», – говорилось в журнале «Спортивная жизнь» в январе 1907 г.

В то же время нередко раздавались голоса, говорившие об обратном: мол, чрезмерное увлечение спортом вовсе не полезно, а очень даже вредно для здоровья. В печати даже развертывались дискуссии о пользе и вреде велосипедной езды. После того как в моду вошел хоккей, сразу же появилось немало его противников, заявлявших, что эта игра – бестолковая погоня за повреждениями и ушибами. Когда началось

повальное увлечение футболом, заговорили и о его вреде.

Особенно поразила петербуржцев смерть гимназиста Саши Стрельникова в ноябре 1911 г. Он умер от воспаления легких, простудившись во время игры в футбол.

«Последнее время слишком часты стали жертвы спорта, чтобы можно было молчать», – негодовал обозреватель «Петербургского листка» в своей статье, так и озаглавленной – «Не увлекайтесь спортом!». «Сам по себе спорт – прекрасная и полезная вещь, – продолжал он, – но только при условии, если им пользоваться разумно, если не доходит до того предела, за которым идет игра не в футбол, а в жизнь и смерть. А этот предел преступается очень многими. Перешел его и Саша Стрельников. И в результате – смерть в расцвете сил».

Beault

Почтовая открытка начала XX в.

О вреде чрезмерного увлечения спортом много говорили в связи с сумасшествием знаменитого авиатора, кумира публики С.И. Уточкина. Напомним, случилось это летом 1913 г.

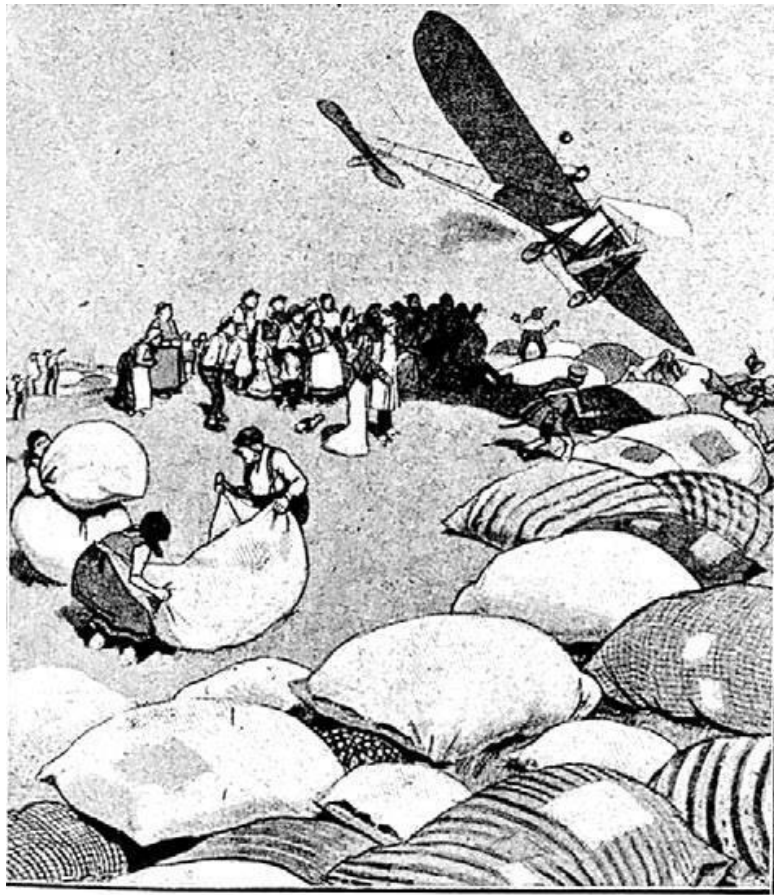
На старинных открытках очаровательные красотки кокетливо демонстрировали свои купальные платья

Мы уже отмечали, что многие виды спорта в начале прошлого века стали модными в светской и даже, порой, в великосветском обществе. К примеру, бешеной популярностью, особенно среди «золотой молодежи», пользовалось катание на роликовых коньках. На несколько лет скетинг-ринки стали одним из центров «веселого Петербурга». Однако, как известно, мода быстротечна. Ролики очень быстро надоели, и это увлечение сошло на нет.

Кроме того, мода, как известно, имеет свою оборотную сторону. Именно об этом писал в 1911 г. тот же А.И. Куприн, комментируя первый авиаперелет из Петербурга в Москву, сопровождавшийся многочисленными жертвами среди летчиков: «Авиация в моде, как в моде рядом с ней спиритизм, ханжество, фальшивое увлечение спортом, а главное спортивными костюмами... Это мода – и больше ничего. К этому громадному делу необходимо примазаться – это шик, это модно... А вдобавок еще так патриотично, что, по нашим временам, далеко не лишний козырь. Вот где, по-моему, надо искать причину спешки, небрежности, халатности и равнодушно проявленной жестокости...»

Спортивные игры, яркие, зрелищные и красочные, служили одним из любимых увеселений столичной публики, жадной до зрелищ. К примеру, летом в многочисленных

петербургских увеселительных садах наблюдалось необыкновенное обилие «головоломных зрелищ». Всевозможные «воздушные гимнасты», гордо именовавшие себя «королями воздуха», и «неустрасимые акробаты» старались превзойти друг друга в исполнении рискованных трюков.

— Что это вы раскладываете здѣсь тюфяки да перины?

— Да какъ же быть иначе, если нашъ помѣщикъ обучается летать на аэропланѣ?

Карикатура из журнала «Родина». 1910 г.

Как магнитом, влекло петербуржцев на скачки. Правда, вовсе не потому, что горожане являлись поклонниками конного спорта — подавляющее большинство зрителей привлекала возможность игры на тотализаторе. Как тут не вспомнить и об ажиотажном интересе к чемпионатам французской борьбы. Александр Блок, склонный к катастрофическому восприятию действительности, воспринимал расцвет французской борьбы как предвестие гибели. В предисловии к поэме «Возмездие» он так говорил о месте борцовских поединков в событиях времени: «Зима 1911 г. была исполнена глубокого мужественного напряжения и трепета... Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней. Мир развивал свои физические, политические и военные мускулы...»

На страницах книги мы попытались представить широкую палитру спортивной и «околоспортивной» жизни Северной Пальмиры начала прошлого века. Ведь она имела свои обычаи и традиции, порой весьма отличные от сегодняшнего времени. К примеру, характерной чертой жизни столицы являлась «спортивная масленица». Из года в год весело и оживленно встречал Масленицу С.-Петербургский Речной яхт-клуб, собирая на этот праздник весь цвет столично-

го спортивного мира. Велосипедисты на Масленицу устраивали маскарады, фигурное катание и рыцарские турниры на велосипедах. Но самое, пожалуй, эффектное масленичное спортивное гуляние традиционно проводилось «С.-Петербургским обществом любителей бега на коньках» в Юсуповом саду. Чем дальше от центра к окраинам, тем народнее, проще были масленичные развлечения. Охта славилась кулачными боями, устраивавшимися на льду Невы.

Большими праздниками в конце апреля – начале мая спортивные общества и кружки Петербурга начинали по обыкновению летний сезон. Особо торжественно открытие сезона выглядело в яхт-клубах. Это была расписанная до мелочей торжественная церемония, на которую приезжали особенно почетные гости.

География спортивного Петербурга начала XX в. мало напоминала сегодняшнюю. К числу самых спортивных мест северной столицы относились Марсово поле, Юсупов сад на Садовой улице, Семеновский ипподром, Михайловский манеж. Причем на этих «площадках» устраивались состязания в самых различных видах спорта.

Настоящим «островом спорта» называли в начале XX в. петербуржцы Крестовский остров. Еще на протяжении XIX столетия он служил местом народных гуляний и развлечений, многие из которых были спортивного характера: здесь можно было увидеть и канатоходцев, и акробатов; устраивались рыцарские игры. Одной из отправных точек спортив-

ной летописи Крестовского острова можно считать 1863 г., когда здесь поселился Речной яхт-клуб. Кроме него, водный спорт перед революцией на Крестовском острове культивировали английское гребное общество «Стрела», Всероссийский союз гребных обществ, Петербургское гребное общество, а также столичный Парусный клуб под покровительством великого князя Александра Михайловича.

Какими только видами спорта не занимались на Крестовском острове! В начале XX в. столичные газеты пестрели объявлениями о всевозможных спортивных состязаниях на острове – футбольных матчах, гребных гонках, испытаниях по легкой атлетике и т. д. Кроме всего прочего, существовало на острове еще и Крестовское голубиное стрельбище, охота на котором носила исключительно аристократический характер.

В летнее время прекрасную картину представляло взморье Финского залива. «На невских рукавах насчитывается свыше двух тысяч гребных и парусных судов, – отмечалось в начале 1910-х гг. на страницах «Петербургской газеты». – По праздникам сотни яхт выходят в залив для состязаний».

А что же зимой? Несмотря на то что в давние времена в Петербурге были весьма суровые зимы, спортивные состязания проходили тогда главным образом на открытом воздухе. Замерзшие водные пространства служили ареной спортивных событий. На Неве проходили конные бега, на реках и каналах устраивали ледовые катки. Взморье Финского за-

лива становилось местом катания на буграх.

С.-Петербургский кружок любителей спорта («Спорт») устраивал состязания на коньках, лыжах, а также игры в хоккей на своем катке у Крестовского острова. В Юсуповом саду, по традиции, общество любителей бега на коньках проводило хоккейные матчи, состязания по фигурному катанию, а также традиционную рождественскую елку и маскарад. Хозяином катка на Марсовом поле являлось Русское национальное общество любителей спорта. Симеоновский каток на Фонтанке являлся объектом неустанных забот С.-Петербургского кружка конькобежцев-любителей.

На Семеновском ипподроме проходили зимние рысистые бега, а Николаевскую улицу (ныне – ул. Марата), которая вела к ипподрому, петербуржцы называли «любимым местом спортсменов». Здесь находилось большинство самых известных столичных конюшен, обслуживавших бега. На скачки весь Петербург съезжался на Коломяжский ипподром – там с огромным успехом действовал тотализатор. В Михайловском манеже проходили конские состязания и устраивался велосипедный трек.

Футбол процветал главным образом в манеже Павловского военного училища, которое помещалось на Большой Спасской улице (ныне – ул. Красного Курсанта) на Петербургской стороне – в нем зимой составлялись сборные команды из всех клубов. Игры проходили только по воскресеньям. А гимназисты играли в полковых манежах, те из года

в год, также по воскресеньям, предоставлялись к их услугам.

Местом спортивных зрелищ подчас становилась стрелка Елагина острова – легендарный «пуант», где собиралась изысканная столичная публика. Именно здесь нередко устраивались праздники «моторов» (чаще всего вместе со «стальными конями» – велосипедами). Правда, эти шоу носили скорее не спортивный, а увеселительный характер, являясь зрелищем для столичного бомонда.

Летом спортивная жизнь перемещалась в ближние и дальние дачные пригороды. Причем здесь в роли спортсменов выступали чаще всего петербургские дачники, а также «зимогоры» – петербуржцы, жившие на дачах круглый год. Отдыхая на дачах, горожане охотно занимались велосипедным спортом, катались на лодках и яхтах, ходили в туристские походы, занимались бегом и другими видами легкой атлетики, вступали в местные футбольные команды и т. д.

Едва ли не в любой дачной местности непременно возникал спортивный кружок. Как отмечал краевед С.А. Красногородцев, Павловск и Тярлево можно с полным правом считать местами зарождения массового легкоатлетического спорта в северной столице. С Павловском связаны и традиционные пробеги «Русский марафон», проводившиеся с 1912 по 1917 г. между Петербургом и Павловском на призы газеты «Вечернее время».

В Царском Селе процветал велосипедный спорт. Надо сказать, велоспорт развивался поначалу именно в пригоро-

дах, поскольку городские власти чинили всяческие препятствия для появления «стального коня» на улицах столицы. Царскосельский кружок велосипедистов организовался одним из первых, в 1888 г. В пригородах появлялись велодромы («циклодромы»). На них устраивались трековые гонки, а шоссейные, как правило, проходили на Волхонском, Московском или Выборгском шоссе. Что же касается автомобильного спорта, то здесь одной из главных спортивных трасс являлось Волхонское шоссе.

В Стрельне существовали парусный клуб и многочисленный кружок велосипедистов. В Дудергофе в 1913 г. открылся бобслей-клуб, положивший начало новому для России виду спорта – бобслею.

Особенно славились спортивными занятиями и состязаниями любимые петербуржцами дачные пригороды на севере столицы – Озерки и Шувалово: превосходные озера привлекали любителей водного спорта, гористый Шуваловский парк – велосипедистов, играли в нем также в крокет, итальянские кегли, лаун-теннис. Популярны были легкая атлетика, гимнастика, футбол, баскетбол и т. д. Спортивная жизнь в Озерках и Шувалове не замирала и зимой. С 1891 по 1911 г. в Шувалове снимал дом на зимний период первый в Петербурге кружок любителей лыжного спорта «Полярная звезда». На Нижнем Суздальском озере устраивались ледяные горы и каток, проводились лыжные соревнования, а прекрасные окрестности становились территорией лыжных про-

гулок.

Большой популярностью у любителей лыжного, а особенно горнолыжного, спорта пользовались Юкки, расположенные неподалеку от Шувалова и Озерков. Сюда в 1911 г. переехал лыжный кружок «Полярная звезда», устроивший здесь первый в России трамплин для прыжков. В состязаниях участвовали российские, финские, шведские, датские и норвежские лыжники.

Не меньшей спортивной славой пользовались Коломяги. Они вообще относятся к числу тех мест, где история словно бы движется по спирали. Сегодня рядом с Коломягами, в Удельном парке, расположена тренировочная база «Зенита», а сами Коломяги с полным правом называют родиной знаменитого питерского футбольного клуба – ведь предтечей «Зенита» считается футбол-клуб «Коломяги», возникший здесь в начале XX в.

Еще одно спортивное место в северных окрестностях Петербурга – Мурино. Здесь появилось одно из первых, если не самое первое, поле для занятий гольфом. Его устроили англичане, отдыхавшие в Мурине и облюбовавшие эти места для занятия гольфом.

Впрочем, не только дачники занимались спортом в Петербургской губернии. В городах повсеместно возникали спортивные кружки и общества, объединявшие увлеченных новым делом местных обывателей. «Гатчина – место для спорта очень благоприятное, – писал в марте 1914 г. обозрева-

тель газеты «Гатчина». – Великолепный парк с идеальными дорожками для бега и велосипедных гонок, горы и обширные озера для катания на коньках и лыжах, хорошие дороги за 30 верст в окружности – все это вместе взятое ставит Гатчину в ряды лучших мест для занятия спортом».

В Царском Селе активно действовало спортивное общество «Луч», довольно быстро завоевавшее хорошую репутацию среди местных обывателей и администрации. Кстати, 20 января 1913 г. именно здесь торжественно открылся, как сообщали организаторы сего действия, ни много ни мало – «первый русский стадион». Под стадионом они понимали место, где можно было бы заниматься всеми видами спорта. Толчком к открытию Царскосельского стадиона стали не самые удачные выступления российских спортсменов на V Олимпийских играх, проходивших в июле 1912 г. в Стокгольме.

Как известно, именно в этих Олимпийских играх впервые официально участвовала российская команда. Трезвые головы в России понимали, что нет смысла стенать по поводу униженного национального достоинства, а следует много и напряженно трудиться, чтобы добиться результатов. Царское Село в начале прошлого века служило одним из спортивных очагов близ Петербурга, поэтому не случайно, что стадион открылся именно тут.

Увы, петербургская хроника сохранила немало примеров и аферистов от спорта, пытавших «надуть» публику. К примеру, в мае 1912 г. редактор-издатель выходившей в Пе-

тербурге газеты «Вестник спорта» Н.Я. Петров, известный как предприимчивый антрепренер, устроитель популярных «чемпионатов французской борьбы» и велогонок в провинциальных городах России, объявил петербуржцам о проведении на Семеновском ипподроме доселе невиданного зрелища – грандиозного спортивного праздника с участием аэропланов и мотоциклеток. Горожанам обещали разнообразную программу с сенсационными номерами, в том числе «первое в истории» состязание аэроплана с автомобилем и первое в истории соревнование на скорость между аэропланом, мотоциклом, велосипедом и скаковой лошадью. Кроме того, заявлены были заезды велосипедистов и мотоциклистов и велосипедно-моторные гонки на призы от торгово-промышленного товарищества «Жорж Блок». Героем дня обещал стать знаменитый спортсмен Сергей Иванович Уточкин.

Публике обещали полеты аэропланов «Фарман и Блерио» с препятствиями, метание бомб с аэроплана, «эволюцию в воздухе» и точные спуски, а также полеты авиаторов с пассажирами. Каждого трехсотого посетителя и тех, на кого выпадет жребий, обещали прокатить на самолете бесплатно. «Сегодня весь спортивный Петербург соберется на Семеновский беговой ипподром», – сообщали 27 мая 1912 г., в день праздника, рекламные объявления на страницах питерских газет. Весь сбор от устраиваемого спортивного праздника на Семеновском ипподроме, как обещал Петров, должен был поступить в пользу Уточкина – на приобретение ему аэроплана

«Ньюпор».

Публика, купившаяся на рекламу, в назначенный час до отказа заполнила трибуны Семеновского ипподрома. Однако, как стало вскоре выясняться, обещания Петрова оказались обманом. «Боже, какой это был балаган! – возмущался на следующий день репортер «Петербургского листка». – Казалось, все это происходит не в столице, а где-то в маленьком захолустном городишке». Жалкое впечатление производил потрепанный и невзрачный аэроплан Уточкина «Фарман». Обещанное «цветочное корсо велосипедистов» также представляло собой явный суррогат: его представлял один дамский велосипед с огромной шляпой в виде зонтика. Не показали зрителям и запланированного состязания Уточкина на скаковой лошади с мотоциклеткой. Устроители праздника ссылались на погоду, якобы она спутала все карты.

Однако публика терпеливо сносила все эти «издевательства», надеясь все-таки дождаться «гвоздя» программы – соревнования между аэропланом и наземными видами передвижения. Наконец, сигнал был дан. Рядом с самолетом разместились автомобиль, мотоциклетка и лошадь с седоком. Загудел мотор аэроплана, «стальная птица» побежала, быстро поднялась вверх, но тут же, едва не задев мачты, грузно села на траву. «Не могу летать, – заявил выбравшийся из аэроплана весьма сконфуженный Уточкин. – Аппарат тяжелый, да и повернуться негде». Без аэроплана обещанное состязание теряло смысл. Уточкин сделал еще одну попыт-

ку подняться в воздух, но снова неудачно. Этим праздник и ограничился.

Брать на борт пассажиров, как было заявлено в рекламе, Уточкин категорически отказался, заявив, что сегодня это очень опасно. Публика возмущенно загудела, а какая-то впечатлительная барышня, которая специально приехала в Петербург ради этого спортивного праздника, дававшего возможность побывать в воздухе с ее кумиром Уточкиным, и назавтра должна уже была возвращаться домой в провинцию, забилась в рыданиях. Публика готова была взорваться. Зрители стали догадываться, что они стали жертвой грандиозного надувательства. В толпе раздались свист и негодующие крики: «Это издевательство! Безобразие! Кто устроитель? Подать сюда Петрова! Он забрал все деньги и уехал!»

Наиболее активные представители публики требовали немедленно составить протокол и обещали не уходить с ипподрома, пока не будет оформлен документ и опечатана касса. Полиция пыталась успокоить людей, однако написание протокола ни к чему не привело: деньги зрителям не вернули. В следующие дни газеты довольно скупно отзывались о происходившем на Семеновском ипподроме: одни называли разыгравшееся действо «позорищем», другие просто сделали вид, что ничего не произошло...

Спортивная жизнь – уникальная часть общественной жизни, как в капле воды отражавшая различные процессы и явления. К примеру, даже в спорте ярко проявлялась ориен-

тация на иностранные модели: так, гимнастические системы пришли в Россию из Германии и Швеции, а «сокольство» – из Чехии. В исключительных исторических условиях спортивные события приобретают особый характер. И хотя в своей книге мы ограничиваемся только началом XX в., нельзя не привести яркий пример: знаменитый «блокадный» футбольный матч, сыгранный летом 1942 г. в осажденном Ленинграде, имел огромное моральное значение для горожан и для всей страны. Он стал символом стойкости ленинградцев, несгибаемости воли и духа, знаком неминуемой победы над врагом.

Спорт невозможно рассматривать обособленно, сам по себе. Это утверждение верно по отношению и к прошлым временам, и к дню сегодняшнему. Как известно, спорт находится в тесной взаимосвязи с физической культурой. Этот термин появился в конце XIX в. в Англии в пору бурного становления спорта, но не нашел широкого употребления на Западе и со временем практически исчез там из обихода. А в России, наоборот, термин «физическая культура», вошедший в употребление с начала XX в., после 1917 г. получил признание в государственных инстанциях и прочно вошел в научный и практический лексикон.

Многие виды спорта находятся на грани с искусством. Причем речь идет не о зрелищной стороне дела, а о том, что некоторые виды спорта – художественная гимнастика, вольные гимнастические упражнения, фигурное катание и

т. д. — являются средством выражения чувств, переживаний, настроений.

Характерно и то, что в начале XX в. спорт являлся одной из областей жизни, где дамы имели возможность проявить «эмансипацию» и продемонстрировать женское равноправие, которого в ту пору так добивались.

Практика показала, что спортивная жизнь очень часто переплетается с политикой. К сожалению, приходится признать правоту советских теоретиков спорта, доказывавших, что «буржуазная» концепция «чистого спорта» является ложной. Увы, исторический опыт показывает, что это действительно так: спорт — вовсе не «вне политики». Это можно наглядно видеть на примере дореволюционной и Советской России.

До революции, когда спорт являлся занятием отдельных индивидуумов, по своей воле объединявшихся в различные общества и объединения, никакой государственной «принудилки» не было и быть не могло. Тем не менее уже в начале 1910-х гг., когда спорт стал приобретать все больший размах, делались первые попытки поставить спорт на службу государству. Это ярко выразилось в поощрении властями «потешного войска». А в 1913 г. впервые в истории России появилась специальная должность — «заведывающий физическим развитием и спортом в России», которую занял генерал-майор Владимир Николаевич Воейков.

Сделать спорт делом государственным царские правите-

ли просто не успели. Зато уж новые, большевистские власти необычайно преуспели в том, чтобы поставить спорт и физическую культуру на службу новой власти и ее задачам. «Октябрьская революция, наряду с другими реформами, выдвинула вопрос и о физической культуре, которая с 1917 г. стала служить государственным целям, — отмечал в 1923 г. на страницах «Красной газеты» известный петроградский журналист Федор Бугровский. — Спорт в Советской России, при содействии органов Всеобуча, получил всенародный характер и способствовал поднятию боеспособности Красной Армии».

В советской стране спорт рассматривался как одно из средств воспитания «нового человека». Политизация, идеологизация и милитаризация спорта стала отличительной чертой спорта в Советской стране, особенно в сталинское время. Впрочем, такое отношение было характерно и для других тоталитарных режимов того времени. Явление, имевшее место в тоталитарных режимах в СССР и Германии, историки нередко именуют «всеобщим физкультурным психозом». Увы, спорт, и особенно Олимпийские игры, *de facto* стали элементом и нередко непосредственным орудием политики. Кадры германской кинохроники превосходно демонстрируют, каким образом проведение летних Олимпийских игр 1936 г. в Берлине использовалось машиной нацистской государственной пропаганды. Неужели после всего этого кто-то сможет утверждать, будто бы спорт — «вне полити-

ки»?..

В книге уделяется внимание и такому немаловажному для Петербурга и петербуржцев вопросу, как спорт и город. Ведь спорт самым серьезным образом влияет на облик города. И речь идет даже не столько о том, что спортивные мероприятия являются существенной частью городской жизни, сколько о том, что спортивные сооружения составляют заметную часть архитектурного ансамбля города. Причем они могут как украшать, так и уродовать городской пейзаж.

Вспомним, какие яростные споры вызвало устройство зимней 2007/08гг. в Петербурге ледового катка на Дворцовой площади вокруг Александровской колонны. Противники катка доказывали, что сам он по себе весьма полезен, но в данном конкретном месте совершенно неуместен, поскольку не соответствует парадному облику и характеру площади, превращая ее в примитивный балаган наподобие парков культуры советских времен. Как это нередко бывает, история повторяется: почти такие же страсти, как ныне вокруг катка на Дворцовой, в начале 1910-х гг. сопутствовали сооружению скетинг-ринка на Марсовом поле. Борцы за светлый образ Петербурга всячески поносили это заведение, называя его «убогим сараем» и т. п., говоря, что не место ему в блистательном центре столицы. И, в конце концов, они добились своего: скетинг-ринк разобрали.

* * *

Несколько слов о том, как создавалась эта книга. В ее основу легли материалы рубрики «Спортъ-архивъ» в журнале «Спорт-бизнес-маркет», над которой автор этой книги работал с 1999 по 2008 г. Основными источниками служила старая городская хроника – многочисленные публикации петербургских газет, служивших настоящим зеркалом столичной

жизни. Спортивные разделы существовали практически во всех самых популярных городских газетах – «Петербургском листке», «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», «Вечернем времени» и т. д.

Важнейшим источником информации послужили спортивные журналы, в изобилии издававшиеся в Петербурге в начале XX в. Естественно, исследование не состоялось бы без фундаментальных трудов по отдельным видам спорта. К примеру, нельзя не отметить имена «классиков» – историка футбола Юрия Лукосяка и историка тенниса Бориса Фоменко. Что же касается темы «спортивного краеведения», то здесь серьезным подспорьем послужили давние и, к сожалению, практически позабытые публикации замечательного краеведа, знатока северных окрестностей Петербурга Сергея Красногородцева.

Огромную благодарность хотелось бы выразить создателям уникального альбома «Спорт наших дедов», в который вошли фотоматериалы по истории спорта в Петербурге, собранные в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Кроме того, на страницах книги читатель найдет немало иллюстраций из петербургских газет и журналов начала XX в., а также почтовые открытки тех времен, связанные со спортивной темой. Без сомнения, немалый интерес вызовут рекламные объявления столичных коммерсантов, работавших в «спортивном сегменте» тогдашнего рынка.

Гимнастика: «И телом здоров, и душа не слаба!»

«В России, в интеллигентном слое населения, страдающем неправильным питанием, вследствие сидячего образа жизни, при чрезмерной умственной работе и полном отсутствии физической, значение гимнастики особенно велико», — читаем в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона.

В битве гимнастических систем

С очень давних времен гимнастикой назывались вообще все физические упражнения. Только в XIX в. понятие «гимнастика» несколько сузилось и стало определением одного из средств физического воспитания. Тем не менее официальная система физического воспитания дореволюционной России продолжала называться гимнастикой. Она во многом зависела от культурных связей со странами Западной Европы и основывалась на заимствовании гимнастических систем, существовавших там.

Процесс возникновения гимнастических систем проходил в начале XIX в. преимущественно в странах континентальной Европы – Германии, Швеции, Франции и т. д. Правда, понятие «гимнастика» в те времена объединяло не только упражнения на снарядах и без снарядов, но и другие виды упражнений – бег, прыжки, борьбу, катание на лыжах, коньках, приемы защиты и нападения и др. Лишь в середине XIX в. наметилось разделение упражнений на гимнастику, спорт, игры и туризм.

Возникшие в Европе гимнастические системы имели общую основу, но каждая из них отражала своеобразие той страны, где она создавалась. Различия проявлялись также в применении снарядов, в средствах, способах, организации и формах проведения занятий. Любопытно, что очень ча-

сто гимнастика являлась не столько спортивным занятием, сколько формой проявления общественных настроений.

Так, немецкая гимнастика, появившаяся во второй половине XVIII в., свое широкое развитие получила с начала XIX-го, став одной из форм борьбы за национальное объединение страны. В 1810 г. в Германии возник первый кружок любителей гимнастики, положивший начало турнерскому гимнастическому движению. Активная роль в нем принадлежала Фридриху Яну, считавшему, что с помощью гимнастики немецкая молодежь сможет возродить воинственность древних германцев.

Турнером (от латинского слова «турнаре» – поворотливость, изворотливость) в Германии называли человека, занимавшегося упражнениями на специально оборудованных гимнастических площадках – турнплацах. Занимались немецкой гимнастикой, уделяли много внимания туризму и экскурсиям, военно-игровым упражнениям, развитию воли, физической силы и выносливости, а также воспитанию дисциплины. Немецкая гимнастика пользовалась популярностью в Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии, Дании, Голландии.

Одним из мотивов становления в конце XVIII – начале XIX вв. французской гимнастической системы являлся революционный подъем в стране, а затем стремление возродить военную мощь национальной армии после разгрома Наполеона. Не случайно создателем французской гимна-

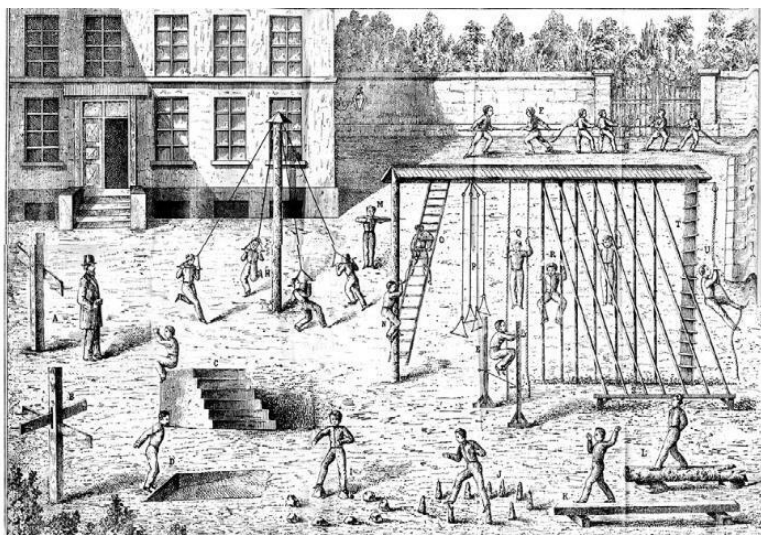
стики стал приверженец Наполеона полковник Франциско Аморос, которому поручили работу по введению гимнастики в армии. А сокольская гимнастика, возникшая в Чехии в 1860-х гг. и распространившаяся во многих славянских странах, в первую очередь боровшихся за свое национальное освобождение, обуславливалось усилившейся в то время национально-освободительной борьбой чехов против гнета Австро-Венгерской империи (подробнее о ней будет сказано в параграфе «Русский сокол – для всех русских граждан»).

Широкое распространение во многих странах Европы, в том числе в России, Финляндии и Норвегии, получила шведская гимнастическая система. Ее основателем являлся Пер Линг, по предложению которого в 1813 г. в Стокгольме создали гимнастический институт. Все упражнения, составлявшие шведскую гимнастику, подразделялись на четыре основные группы – педагогическую, военную, лечебную и эстетическую. Причем если в немецкой гимнастике предпочтение отдавалось упражнениям на брусках и коне, то в шведской гимнастике чаще всего использовались стенка, скамья и бревно.

Кроме национальных гимнастических систем, к концу XIX – началу XX вв. уже не отвечавших новым требованиям времени, стали набирать популярность многочисленные системы индивидуальной гимнастики. Наибольшую известность получили домашняя гимнастика Иоганна Мюллера «Моя система», а также различные разновидности худо-

жественной гимнастики для женщин Жака Далькроза и Айседоры Дункан.

Спортивная гимнастика появилась в Петербурге в начале XX в., но отдельные гимнастические упражнения использовались задолго до этого. Еще в 1820-х гг. в Россию проникли немецкая и шведская гимнастические системы. Во второй половине 1820-х гг. гимнастику ввели в военных училищах, а в 1838 г. разработали инструкцию по применению гимнастики в армии. К 40-м годам XIX в. относятся первые серьезные попытки по применению гимнастики в армии.

«Главные снаряды по системе школьной гимнастики капитана Докса».

Иллюстрация из книги «Школьная гимнастика в Голландии, Дании, Швеции и Германии» (СПб., 1875)

В виде эксперимента правительство решило ввести гимнастику в 6-м пехотном и отдельном гвардейском корпусах, причем непосредственное руководство ею осуществлял швед Густав де Паули – ученик Франциско Амороса, вводившего гимнастику во французской армии. После смерти Паули в 1839 г. эту гимнастику заменили шведской системой, но она также не получила в армии широкого распространения.

Впрочем, Паули прославился в России не только деятельностью по введению гимнастики в армии. Кстати, Паули, шведский уроженец, прибыл в Петербург в 1832 г. из Гельсингфорса, где в 1830-1832 гг. содержал частное гимнастическое заведение. В 1834 г. он открыл в Петербурге школу плавания, просуществовавшую всего два сезона, а в 1836 г. – частное врачебно-гимнастическое заведение на Большой Миллионной улице, которое он назвал «гимнастическим институтом». В 1836 г. этот институт посещали 94 человека, в 1838 г. – 80 (из них 43 мужчины и 37 женщин). Применял Паули гимнастическую систему Амороса.

После смерти Паули продолжателем дела стал его соотечественник де Рон. Ему поручили руководство гимнастическими упражнениями в столичных военно-учебных заведениях и в гвардейском корпусе. В 1842 г., с разрешения правительства, де Рон основал гимнастическое общество, а в сентяб-

ре 1846 г. устроил частное гимнастическое заведение на Английской набережной, на содержание которого много лет получал дотации от правительства.

Основным направлением деятельности этого заведения было лечебное: по мнению историков, оно являлось первой попыткой в России лечить больных при помощи гимнастики. При этом де Рон взял за основу шведскую систему гимнастики. За посещение гимнастического зала на Английской набережной взималась плата 15 р. в месяц с тех, кто пользовался врачебной гимнастикой, и 10 р. – с посещавших общую гимнастику. Занятия проводились с 8 до 10 часов и с 14 до 16.30. Отдельно проводились занятия с детьми. Впоследствии был организован подобный зал гимнастики в павильоне Инженерного замка под руководством Вальфельта – преемника де Рона.

«Попытку построить научную педагогическую гимнастику сделал П.Ф. Лесгафт, положив в основу своей системы подробное изучение анатомии и физиологии органов движения», – говорилось в энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона.

К концу XIX в. в Петербурге параллельно существовали немецкая и шведская гимнастические системы, причем немецкая постепенно вытесняла шведскую. Некоторое оживление шведской гимнастики началось с 1909 г., это связывалось с блестящей работой группы шведских гимнастов, продемонстрировавших свою гимнастическую систе-

му на российско-шведской выставке спорта, проходившей в Михайловском манеже в 1909 г.

«Вот где творится великое дело светлого будущего»

С 1860-х гг. в России стали появляться гимнастические общества. В Петербурге в 1863 г. первым возникло гимнастическое общество «Пальма». Оно непрерывно и с большим успехом действовало до самой революции. В 1908 г. «Пальма» приобрела в собственность участок земли на Крестовском острове для летних спортивных занятий на открытом воздухе.

«В этом обществе почти исключительное внимание обращено на гимнастику, и за время своего существования оно дало многих прекрасных гимнастов и целый ряд прекрасно тренированных и развитых молодых людей, – говорилось об обществе «Пальма» на страницах журнала «Сила и здоровье» в декабре 1909 г. – Занимаются гимнастикой в этом обществе дети, взрослые обоего пола и даже старики, из которых некоторые уже достигли 80-летнего возраста. Занятия проходят по вечерам: среда и суббота – мужчины, вторник и пятница – женщины, старики занимаются по вторникам от 10 часов вечера. Вот где действительно творится великое дело светлого будущего, вот кому от души можно пожелать успеха, с кого следует брать пример».

Добавим, что в то время почетным председателем общества являлся действительный статский советник доктор фи-

лософии, профессор Эмиль Густавович Шмидт, а председателем – Николай Адольфович Янсон.

Мужская группа общества «Пальма» выполняет пирамиду. 1913 г.

Фотограф Карл Булла

В начале XX в. в Петербурге существовало немало заведений, специально посвященных занятиям гимнастикой. Одним из первых стала С.-Петербургская школа гимнастики. Днем ее основания считалось 8 марта 1902 г., когда посещение школы разрешили учащимся всех учебных заведений Петербургского учебного округа. По словам заведующе-

го школой, штабс-капитана К. Алексеева, она являлась «результатом моих стремлений к осуществлению занимающей меня мысли об учреждении начальной школы, где бы образование умственное рука об руку шло с образованием физическим».

Первыми вехами в создании школы он считал февраль 1902 г., когда начальник Павловского военного училища разрешил ему использовать для устройства школы гимнастический зал училища; затем март того же года, когда посещение школы разрешили учащимся всех учебных заведений Петербургского учебного округа. И наконец, апрель 1902 г., когда школу торжественно открыли. Ей разрешили пользоваться конным манежем и стрельбищем Павловского военного училища, а также соседним Петровским пехотным манежем.

Руководящим началом штабс-капитан Алексеев считал «высочайший рескрипт» государя Николая II от 10 июня 1902 г., данный на имя управляющего Министерством народного просвещения. В нем говорилось о необходимости «умственного и физического развития молодежи». В свою очередь, управляющий министерством издал 15 августа 1902 г. специальный циркуляр попечителям учебных округов по вопросу о постановке физических упражнений в учебных заведениях под девизом «И телом здоров, и душа не слаба!».

«Санкт-Петербургская школа гимнастики главной своей целью имеет занятия с молодежью самого раннего воз-

раста, – отмечал штабс-капитан Алексеев. – Мы твердо уверены в том, что из таких учеников впоследствии могут выйти и руководители физического образования, действительно образцовые в полном смысле этого слова».

Во главе школы встал «комитет сотрудников», в который вошли мать и братья штабс-капитана Алексеева. Николай и Владимир Алексеевы были штабс-капитанами 1-го Уссурийского железнодорожного батальона, а Иван Алексеев – подпоручиком 3-го Ново-Георгиевского пехотного полка. Кроме того, в комитет вошли несколько классных наставниц, учитель фехтования и другие педагоги.

Первое время занятия проходили по воскресеньям в две очереди: до 6 вечера – для детей («Школьные праздники»), с 6 вечера и до ночи – для взрослых («Вечера для взрослых»). 2 января 1903 г. состоялся 19-й по счету «Школьный праздник», украшенный на этот раз новогодней елкой, а 4 января – 20-й «Школьный праздник» с новогодним костюмированным балом. С 1903 г. начались ежедневные общие занятия, к которым относились прогулки, подвижные игры, танцы, фехтование, строевые занятия, телесные упражнения и т. д. На Крестовском острове, при содействии С.-Петербургского Парусного клуба, школа Алексеева организовала катания с гор, бег на лыжах и гонки на буерах, «работы в снегу и т. п. развлечения».

Первым и самым значимым результатом деятельности Санкт-Петербургской школы гимнастики стали организация

и проведение в Петербурге с 27 декабря 1902 по 6 января 1903 г. «Первой педагогической выставки предметов физического образования». Подробно о ней говорится в главе, посвященной спортивным выставкам.

Журнал «Спортивная жизнь» в 1907 г., обозревая «наиболее выдающиеся гимнастические общества» в тогдашнем Петербурге, кроме старейшей «Пальмы», относил к ним С.-Петербургское атлетическое общество (в нем занимались не только атлетикой и борьбой, но и гимнастикой), С.-Петербургское финское гимнастическое общество, кружок гимнастов при Экспедиции заготовления государственных бумаг и т. д. Все эти общества ставили перед собой задачу развивать не только гимнастику, но и содействовать вообще физическому развитию.

Одним из старейших столичных спортивных объединений являлось С.-Петербургское гимнастическое общество. Его основала в 1883 г. группа лучших питерских гимнастов того времени, в том числе А.П. Лебедев, К.Ф. Грюнбуш и Ф.Ф. Флейснер. «Несмотря на определенный индифферентизм русской публики к физическому развитию, обществу удалось достигнуть неплохих результатов, – отмечалось в 1907 г. в «Спортивной жизни». – В настоящее время оно насчитывает в своих рядах 130 действительных членов и до 300 „гостей”. С недавнего времени общество ввело гимнастику для дам и детей, что имело большой успех. Занятия общества в зимнем сезоне, с 1 сентября по 1 мая, проходят в гим-

настическом зале на Васильевском острове, угол Большого пр. и 1-й линии, летом общество нанимает дачу в окрестностях Петербурга. Кроме гимнастики, летом организуются также всевозможные игры и занятия легкой атлетикой, а также лаун-теннисом. Зимой и летом общество устраивает прогулки за город, пешком и на велосипедах, зимой на лыжах. Изредка бывают и более продолжительные экскурсии, например, на Иматру, на остров Гогланд и др.».

ГЕНРИ КИРШТЕНЪ

С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп. № 8.

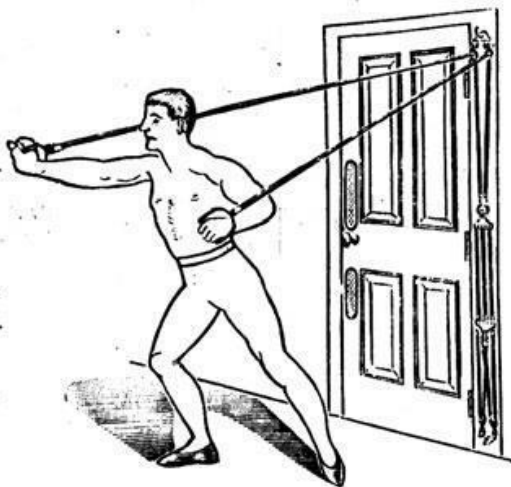
Гимнастическіе аппараты ВЕЙТЕЛИ

(Whitely
Exercisers)

для дѣтей, дамъ,
мужчинъ и атле-
товъ.

КОМБИНАЦІОННЫЕ САНДОВА

съ гириами на кон-
цахъ
переставляющіеся
для
всего семейства.

Массажные аппараты

эластичные и шведскіе электрическіе „СВЕА“.

*Рекламное объявление заведения Генри Кириштена. Нача-
ло XX в.*

Традицией общества являлось ежегодное открытое гимнастическое занятие в ноябре, на которое приглашали «постороннюю публику». Кроме того, каждый год, в середине зимнего сезона для членов общества проводились состязания.

ния по гимнастике. Отличившиеся получали награды в виде дипломов и значков-«жетонов».

Еще одной традицией С.-Петербургского гимнастического общества служило ежегодное проведение зимнего бала. В декабре 1907 г. бал прошел в помещении купеческого собрания на Владимирском проспекте. Праздник включал в себя театрализованную часть – пьесу, в которой играли исключительно участники общества, комические куплеты и игру на музыкальных инструментах, а также спортивную – «вольные упражнения». Завершился праздник танцами до поздней ночи.

Большое внимание гимнастике уделялось в обществе «Маяк», основанном в 1900 г. американской «Ассоциацией молодых христиан» (подробнее о нем – в разделе, посвященном спортивным объединениям и площадкам). В феврале 1908 г. общество открыло «образцово-показательный» гимнастический зал в своем здании на Надеждинской улице, 35 (ныне – ул. Маяковского).

«Гимнастическое отделение „Маяка” представляет для нас, русских, столько нового и интересного, что настоятельно рекомендуем всем интересующимся физическим развитием побывать там и обратить свое внимание на серьезную постановку этого дела, – говорилось в феврале 1910 г. в журнале «Сила и здоровье». – Петербургская молодежь, оценив эти достоинства, довольно быстро заполнила ту максимальную цифру, на которую был рассчитан при постройке зал».

«Очагом» гимнастики стала учрежденная в 1909 г. в Петербурге Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа (в настоящее время ее продолжателем является Военный институт физической культуры Министерства обороны РФ). Точкой отсчета являлось 17 мая 1909 г., когда появилось повеление императора об утверждении Временного положения о Главной гимнастическо-фехтовальной школе. Плановые занятия в школе начались с 1 октября того же года.

Школа появилась из-за необходимости иметь в стране учебный центр наподобие французской гимнастическо-фехтовальной школы. С этой целью петербургский фехтовально-гимнастический зал и преобразовали в Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу. Основной ее задачей являлась подготовка офицеров – сильных физически, проникнутых духом дисциплины и патриотизма.

Из общего количества 1425 учебных часов собственно на гимнастику отводилось только 360. Гораздо больше внимания уделялось владению холодным оружием (650 часов), далее шли теоретические предметы (230), легкая атлетика (100), лыжи (70), плавание (70), практика (40) и спортивная стрельба (5). Из Праги для преподавания гимнастики в школу пригласили одного из лучших чешских «соколов» – Эрбена. Ежегодно школа выпускала до ста преподавателей для армии. В 1908 г. школа разработала новое «Наставление для обучения войск гимнастике», в основе которого лежала сокольская система.

«Эра насаждения здорового спорта»

Серьезное внимание гимнастике уделялось в «Обществе телесного воспитания „Богатырь”», существовавшем в Петербурге с 1904 г. В обществе культивировалось два направления гимнастики – сокольская и шведская. Сокольский отдел превратился впоследствии в общество «Сокол-II», а на основе шведского отдела (курсов педагогической гимнастики) в 1912 г. открылся Институт гимнастики. Его директором стал знаменитый энтузиаст спорта доктор медицины В.Н. Песков, основатель шуваловской школы плавания.

Весной 1911 г. В.Н. Песков, в ту пору старший врач 2-го Балтийского флотского экипажа, вернулся из заграничного путешествия. Главный морской штаб командировал его для изучения постановки врачебной и общей гимнастики в Швеции, Дании, Норвегии, Германии и Чехии. Путешествие было длительным: в частности, находясь в Швеции, Песков прослушал трехмесячный курс в Королевском гимнастическом институте.

«Занятие спортом и гимнастикой – мое любимое дело с самой юности, а потому немудрено, что теперь я отдаюсь этому делу всей душой, – заявил доктор Песков, рассказывая о своей командировке репортеру «Петербургской газеты». – Теперь в России наступает новая эра насаждения здорового спорта».

По словам доктора Пескова, он не являлся сторонником сокольской гимнастики, поскольку большинство снарядов, причем достаточно нецелесообразных, заимствовалось в ней из немецкой гимнастики. Поэтому в своем докладе, представленном после командировки, он предлагал для флота взять за образец систему шведской гимнастики, прибавив к ней упражнения с булавами и флажками, а также ввести при этом в систему физического образования некоторые специально русские упражнения. Эта комбинированная система, по словам доктора Пескова, могла бы положить начало русской системе физического воспитания.

Экзамен членов общества «Богатырь» в гимнастическом зале Второго кадетского корпуса. 1912 г. Фотограф Карл

Важнейшей ее частью Песков считал плавание. «На обучение плаванию надо обратить особенное внимание, – утверждал он, – тем более, что вообще в России по сравнению с другими странами Европы в этом направлении пока еще сделано очень мало...»

Возглавляемый доктором Песковым Институт гимнастики находился на Фонтанке, возле Чернышева моста, в здании купеческого училища. Институт состоял из нескольких отделов – педагогического, гигиенического и спортивного. При этом педагогический отдел служил «для подготовки лиц обоего пола на должность преподавателей гимнастики, танцев, руководителей игр и спортивных учреждений». Программа его занятий включала анатомию и механику движений, физиологию и гигиену, историю и теорию танцев, педагогику и психологию, а также умение оказать первую помощь. В число практических предметов входили гимнастика, пластика, танцы и подвижные игры.

В гигиеническом отделе каждый желающий мог получить рекомендации по «рациональным упражнениям», а спортивный отдел служил для занятий фехтованием, боксом, легкой атлетикой и борьбой. Кроме того, в институте работало детское отделение, в котором преподавались гимнастика, игры и танцы. Институт располагал своей лыжной станцией в Парголово. Второй лыжной базой служил Удельнинский отдел

общества «Богатырь», где для учеников института работал бесплатный прокат лыж.

Институт пользовался такой популярностью, что в 1913 г. к началу занятий в него записалось 250 человек. Среди учащихся до половины составляли приезжие, причем многие из них рассчитывали, закончив институт, зацепиться в столице, получив работу в крупных учебных заведениях. Как правило, они не обманывались в ожиданиях: как отмечалось в отчетах института, «все окончившие институт мужчины получали немедленно солидные места». Многие, получив заветный диплом, возвращались в провинцию, где продолжали развивать идеи института.

Бывшие ученики гимнастического института неизменно с благодарностью вспоминали о своих преподавателях, среди которых были представители самых различных направлений – доктор медицины В.Н. Песков, артист императорских театров П.В. Маржецкий, артисты императорского балета А.А. Эрлер-Львова и В.Ф. Львов, а также иностранные специалисты – преподавательница Стокгольмского центрального института

Э.Г. Лейонмарк и сотрудник Копенгагенского центрального института И.Г. Гельгасон. Им помогали ассистенты из числа слушателей, уже окончивших институт.

Деятельность этого заведения заинтересовала городские власти: занятия не раз посещали члены городской комиссии по народному образованию. Бывали тут представители сани-

тарного общества врачей столицы, а также слушатели различных курсов.

Гимнастическій Институтъ

Общества тѣлеснаго воспитанія

„БОГАТЫРЬ“

Врачебный осмотръ, измѣренія и совѣтъ

Со взрос. 50 к.
Съ дѣтей 25 к.

Гимнастика въ группахъ доступная для всѣхъ:

Плата за 1/2 года.

Гигиеническая	8 р. — р.	Дѣтская съ играми и танцами —	4 р.
Преподавательскій курсъ педагогической гимн. и физическаго образованія	20 р. — р.	Врачебная (коррективная)	8 р. — р.
		Теорія (всѣ лекціи)	8 р. — р.
		Теннисъ	8 р. — р.
		Боксъ	8 р. — р.

Пріемъ и занятія ежедневно: въ будни отъ 7-11 ч. веч., въ праздники отъ 1-5 ч. дня.

Директоръ института Д-ръ м. В. Н. Песковъ. Секретарь Н. В. Тарасовъ.

Фонтанка 62, близъ Чернышева моста. Телеф. 195-13.

Объявление гимнастического института доктора В.Н. Пескова (Института гимнастики) общества «Богатырь» на Фонтанке, 62

Занятия проходили ежедневно: по будням с 7 до 11 часов вечера, в остальные дни с часу дня до 5 часов вечера. В начале и при окончании учебного курса врач института осматривал и измерял занимавшихся. Уже за первый год деятель-

ности института сравнение этих данных показало, насколько полезными оказались занятия. Результаты, как говорится, были налицо: «увеличение размера грудной клетки, увеличение роста за счет выпрямления позвоночника, выправка и, как свидетельствовали собственноручные приписки в книге осмотров, общее улучшение здоровья».

Учитывая такие позитивные итоги, весной 1914 г. распорядительный комитет и педагогический совет «Богатыря» приняли решение о переводе гимнастического института на двухлетний курс обучения. Несмотря на начало Первой мировой войны, осенью 1914 г., хотя и с опозданием на неделю, занятия по новой программе все же начались. Конечно, война не могла не отразиться на делах института. Количество желающих заниматься уменьшилось за счет сокращения числа провинциалов, приехавших в Петербург.

Тем не менее гимнастический институт просуществовал всю Первую мировую войну и дожил до революции, после чего его реорганизовали в Педагогический институт при Наркомате просвещения. В 1920 г. снова преобразовали – в Институт физической культуры общества телесного воспитания «Богатырь». К сожалению, в таком качестве ему удалось просуществовать недолго, – в 1923 г. институт закрыли. По-видимому, аполитичные традиции «Богатыря» не вписывались в новую советскую жизнь.

«Русский сокол – для всех русских граждан!»

На рубеже XIX—XX вв. широкое распространение стала получать сокольская гимнастика. После революции ее заклеямили как буржуазную и контрреволюционную, обвиняли ее в «милитаризаторском духе», хотя многие элементы в дальнейшем были взяты на вооружение отечественной спортивной гимнастикой. Однако сокольство значило гораздо больше, нежели просто вид гимнастики. Оно являлось способом военно-спортивной физической подготовки.

Так что же такое сокольство? Оно появилось в Чехии и стало формой национально-освободительного движения чехов против немецкого господства. Первое сокольское общество возникло в Праге в начале 1860-х гг., но не в целях спорта и удовольствия, а, как отмечали современники, для упорной работы над совершенствованием как физической, так и духовной природы человека и развития высоких гражданских качеств.

Сокольская гимнастика была для чехов гораздо больше, чем спортом. Она означала для них возрождение чешского народа, подъем народного духа. В основу сокольства легли идеи единения и братства, развития нравственного и умственного, сознания гражданского долга и социальных обязанностей, права на национальное самоопределение и сво-

бодное культурное развитие. И главное – «единение на почве совместного физического воспитания».

При своем возникновении общество приняло название «Сокол» в качестве символа своих возвышенных стремлений и установило обычай обращаться на «ты» среди членов единой сокольской семьи. Почему именно сокол? Имя гордой птицы использовалось как символ свободы, мужества, независимости.

Во главе первого сокольского общества стоял доктор Мирослав Тырш – культовая фигура для всего сокольства. Выпускник Пражского университета, он занимал должность руководителя общества в течение двадцати лет. В своей книге «Основы физической подготовки» М. Тырш изложил оригинальную систему упражнений, основу ее составила немецкая гимнастика, усовершенствованная в 50-е и 60-е гг. XIX в. Шписсом. Эту систему М. Тырш дополнил элементами, заимствованными из разных видов европейской гимнастики, а также некоторыми видами атлетики. Все упражнения подразделялись на четыре основные группы:

1. Упражнения без снарядов: ходьба, бег, вольные упражнения, строевые упражнения, хороводы, танцы.
2. Снарядовые упражнения: прыжки простые в длину, прыжки «атакой» в высоту, прыжки с шестом в длину, упражнения на козле, на столе в длину, на коне в длину и ширину с ручками и без ручек, перекладине, брусках, ходулях, лестнице, шведской стенке, канатах, шестах, шведской

скамье, бревне, коньках, велосипеде. Упражнения со снарядами: упражнения с различными отягощениями (палками, гантелями, тяжестями и т. д.); упражнения в метаниях (копья, диска, молота, куба, ядра, мяча); упражнения с предметами (флажками, флагами, булавами, скакалками).

3. Групповые упражнения: пирамиды, массовые гимнастические выступления, подвижные игры.

4. Боевые упражнения: фехтование, борьба, бокс, упражнения с сопротивлением.

В сокольской гимнастике обращалось внимание не на количество повторений, как э в немецкой и шведской гимнастике, а на красоту их выполнения. Гимнастические упражнения стали соединяться в комбинации, были введены музыкальное сопровождение, красивые костюмы и специальная гимнастическая обувь. Считается, что именно из сокольской гимнастики выросла современная спортивная гимнастика.

Сокольские упражнения гимнасток общества «Польский сокол». 1907 г. Фотограф Карл Булла

Основными средствами в Сокольской гимнастике являлись упражнения, связанные с применением гимнастических снарядов. Исключительное значение придавалось красоте движений, перестроений и даже костюмов. Все некрасивые движения исключались, практиковались только четкие, точные и внешне красивые положения тела. Применялись всевозможные предметы – палки, шарфы, старинные виды оружия (мечи, щиты, булавы) и т. п. Особенно тщательно

были разработаны упражнения на перекладине, параллельных брусьях, коне, вольные упражнения, а также упражнения с предметами под музыку, пирамиды и акробатические упражнения.

За полвека своего существования сокольство широко распространилось в Чехии и среди других славянских народов – поляков, болгар, сербов, хорватов, словаков, а в 1904 г. появился Союз славянского сокольства. Таким образом, сокольство вылилось в ярко выраженную славянскую организацию, которая провозглашала идею всеславянского единения.

В 1904 г. петербургский журнал «Спорт» посвятил сокольскому движению пространную публикацию, начинавшуюся со слов: «Чтобы избежать войны, надо быть к ней готовым. Это простая, известная истина». Сокольство имело к ней самое непосредственное отношение. Было заявлено, что именно сокольство способно готовить настоящих солдат, поскольку спорт имеет «великое общественное значение», вырабатывая драгоценные качества воина – силу, ловкость, смелость, презрение к опасности, глазомер, подвижность и умение побеждать препятствия.

«Пример спортивной организации, нацеленной на военную подготовку, – это чешское сокольство, или гимнастическое общество соколов». Для чехов, где зародилось в XIX в. это движение, оно имело также политическое значение, выступая своего рода формой борьбы, протеста против немец-

кого господства (Чехия входила тогда в Австро-Венгерскую империю).

«Почему мы не можем создать ничего подобного? – вопрошал обозреватель журнала «Спорт». – Ведь у нас неоднократно рождались идеи о национальных учреждениях на спортивной основе. Но как только они переходили в стадию осуществления, то сейчас же замирали». Так потонул «в болоте канцелярщины» родственник сокольству грандиозный проект князя Ширинского-Шихматова об учреждении «Всероссийской стрелковой дружины».

КУРСЪ СОКОЛЬСКОЙ ГИМНАСТИКИ

ПОСОБІЕ ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ.

Переводъ съ чешскаго

Н. В. Манохина

ЧЛЕНА ГИМНАСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА „ПРАЖСКІЙ СОКОЛЬ“
ВЪ ПРАГѢ ЧЕШСКОЙ.

11-ое изданіе, дополненное и исправленное на основаніи постановленія 1-го Техническаго Съезда С. Р. С. и Техническаго Комитета С. Р. С.

ИЗДАНИЕ
ГИМНАСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА „СОКОЛЬ-1“
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

1917 г.

списокъ Васильевъ Николаевичъ
А. И. ермеева

«Курс сокольской гимнастики».

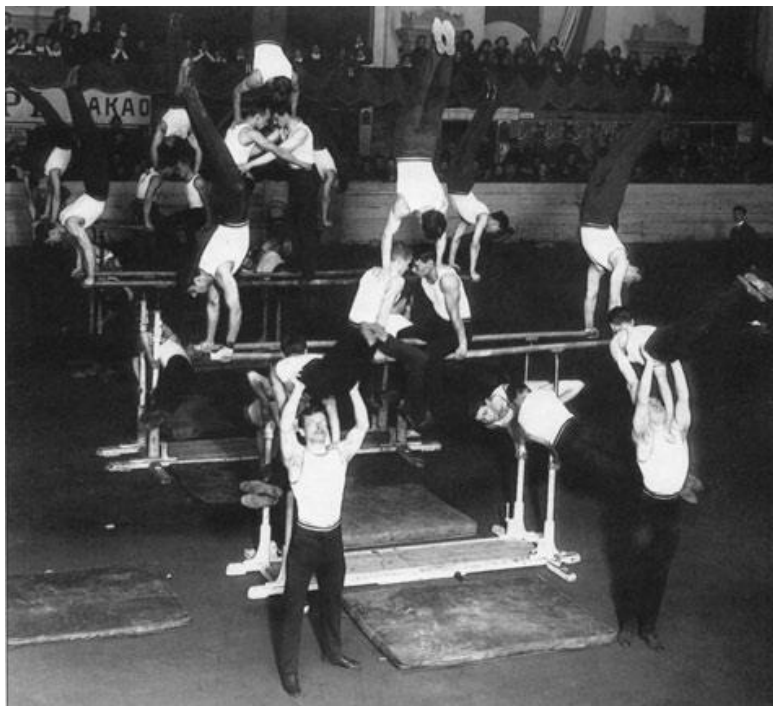
Петроград. 1917 г.

«Всякий спортсмен полезен на войне, – резюмировал журнал «Спорт». – Но спортсмен дисциплинированный, привыкший к разумному подчинению и умеющий действовать сообща – прямо неоцененный солдат. Это материал, почти готовый к употреблению. Если бы на Руси существовало национальное сокольство, при громадном пространстве страны, при массе ее народонаселения подобная корпорация была бы грозным оплотом русских сил».

В начале XX в. сокольство возникло и в России. Его принесли чешские преподаватели гимнастики. Сперва никто не знал еще об их принадлежности к сокольству, и их воспринимали только как опытных руководителей физического воспитания в учебных заведениях. Они собирали вокруг себя кружки любителей физических упражнений, которые вначале не носили названия сокольских: в Москве – Первое русское гимнастическое общество, в Петербурге – гимнастическое общество «Север». В 1908 г. на базе последнего основали сокольский центр.

В октябре 1911 г. петербургские «соколы» праздновали 75-летие своего вице-президента сенатора Н.А. Султан-Крым-Гирея. По этому поводу он выступил с многочисленными заявлениями в столичной прессе. «Наше сокольское дело идет в России очень успешно, – говорил он. –

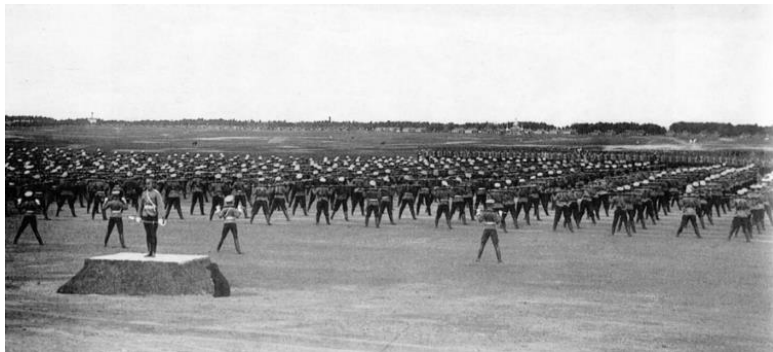
Несколько лет тому назад у нас не было ни одного „сокола”, а сейчас насчитывается сорок шесть русских сокольских обществ. Из них двадцать одно общество, с разрешения министра внутренних дел, образовало русский союз соколов, и уже возбужден вопрос о присоединении нашего союза к общеславянскому в Праге. В Петербурге „соколов” много, и все мы живем как братья, радостно и дружно».

Гимнастические упражнения спортсменов общества «Сокол» в Михайловском манеже. 1911 г. Фотограф Карл Булла

Одна из сокольских организаций Петербурга существовала в структуре популярного гимнастического общества «Богатырь». Это был «отдел сокольской гимнастики», который включал в себя курсы для подготовки преподавателей, летнюю площадку для взрослых на Большой Спасской улице, детскую площадку в Новом Петергофе (на плацу мужской гимназии имени императора Александра II) и бесплатные детские площадки в городских садах – Юсуповом и Екатерингофском.

На курсах подготовки учителей сокольской гимнастики, кроме непосредственно сокольства, преподавались анатомия и физиология, гигиена, гимнастические системы и теория физических упражнений, оказание первой помощи, а также основы шведской гимнастики.

Массовые вольные упражнения солдат во время смотра сокольской гимнастики.

Красное Село, 2 августа 1909 г. Фотограф Карл Булла

Любопытно, что единственным источником денежных средств у курсов была плата за право быть слушателями, которая составляла два рубля в месяц. За учебный период 1913-1914 гг. курсы принесли пятьдесят рублей прибыли.

Количество сокольских организаций в России стремительно росло, и в 1910 г. возник Союз русского сокольства, а в апреле следующего, 1911, года в Москве прошел первый съезд делегатов этого союза, который установил общие основы русского сокольства. Они выходили далеко за рамки спортивной гимнастики, хотя и было заявлено, что сокольство является «культурным институтом» и совершенно чуждо всяким политическим замыслам.

Во-первых, съезд постановил принять в полном объе-

ме сокольскую идею славянского братства. Во-вторых, он провозгласил, что сокольство в России должно служить одним из элементов соединения племен, населяющих Россию, во имя блага, мощи и роста великого славянского государства. Принципы демократизма, любовь к ближним, сознание гражданского и общественного долга, альтруизм являются основными принципами организации русского сокольниковства. Идя навстречу духу времени и прогрессу, оно является культурным учреждением, чуждым всяких политических замыслов».

Кстати, подобные общественно-политические симпатии сокольства служили порой источником раздора среди гимнастических и вообще спортивных объединений. А все потому, что в России сокольская гимнастика нередко противопоставлялась немецкой. Именно так и случилось на петербургском съезде гимнастов в ноябре 1908 г. (в помещениях Петровского коммерческого училища на Фонтанке), объявленного его организаторами всероссийским.

Начался он со скандала: представитель петербургского атлетического общества протестовал против присвоения съезду статуса всероссийского и заявил о своем отказе участвовать в нем. Участник пражского слета «соколов» Стахович также заявил о предвзятости устроенного съезда и его прогерманской, а еще вернее «антиславянской», ангажированности.

В поддержку организаторов попытался выступить пред-

ставитель петербургского гимнастического общества. «Никакой преднамеренности в составе участников съезда нет, — заявил он, — мы также не преследуем своим съездом никаких политических целей и, в частности, пангерманист-ских. Не срывайте же нам съезд!»

Когда организаторы сделали последнюю отчаянную попытку продолжить мероприятие, назвав его просто «съездом гимнастов», представители «Сокола» и сочувствующие им демонстративно покинули зал. «Кто русский, тому не место здесь!» — выкрикнул один из протестующих. В результате съезд оказался сорван, а оставшиеся делегаты решили созвать новый съезд «в более полном составе».

Один из горячих сторонников сокольства, ученый В.М. Бехтерев, считал, что в нем нет ничего воинственного и сокольство «как организация преследует лишь цели самовоспитания физического и нравственного и потому заслуживает всеобщей поддержки». В своей книжке «Юбилейные дни в Праге и воспитательное значение сокольства», изданной в Петрограде в 1915 г., Бехтерев писал: «Чрезвычайно важно, чтобы сокольство в России явилось всенародным русским сокольством, а не замыкалось бы в узконационалистические рамки; оно должно быть общерусским в широком смысле слова, а потому должно принимать и даже привлекать в свою среду всех, кто поддерживает и развивает русскую культуру».

Русское сокольство установило тесные связи с сокольски-

ми организациями Чехии. Именно в Праге, на родине сокольства, прошел первый всеславянский слет «соколов» (в нем не участвовали только поляки). Он включал в себя народные манифестации, парадный сбор всех славянских «соколов» на площади перед ратушей и массовые спортивные упражнения, в которых одновременно принимало участие 12 тысяч человек.

В.М. Бехтерев

Руководители русского сокольства имели различные точки зрения по вопросу о том, каким быть сокольству в России. Образовалось две партии: националисты отстаивали тезис «сокольство — только для русских», несогласные с ними утверждали: сокольство — для всех российских граждан, причем каждая нация создает свои общества, которые объединяются в один общерусский союз. «Русский „Сокол” должен объединять под своей сенью все русское, все народности Российской империи под общей идеей: все мы братья во славу великой и общей нашей родины — России», — говорили они. Вопрос об «инородцах» не давал националистам покоя, и даже приезд в 1909 г. в Петербург инспектора Сокольской чешской общины Ф. Эрбена, приглашенного для организации офицерской гимнастическо-фехтовальной школы, не смог разрешить конфликт внутри русского сокольства.

«Язва разногласия снова разъедает наше общество», — заявил в докладе на предвыборном собрании петербургского «Сокол-I» представитель группы «соколов-кавказцев» Рубен Мириманианин. «Наши противники говорят: „русский сокол только для русских!” Разве это идеи братства и равенства, проповедуемые Тыршем? Разве это не насмешка над сокольством?» — продолжал он...

К 1914 г. в России в 26 городах было 42 сокольские организации. Как же дальше сложилась судьба сокольства в России? В годы Первой мировой войны уже было не до

гимнастики — многие «соколы» ушли на фронт, немало из них героически погибло на полях сражений. После Февральской революции сокольское движение несколько оживилось, в Петрограде возобновилось издание «Вестника русского сокольства». Однако после Октябрьской революции гимнастика оказалась не в почете. В первое время даже упражнения на гимнастических снарядах запрещались, снаряды выносились из спортивных залов, а иногда и попросту уничтожались как «орудия производства соколов». Союз русского сокольства после революции распался. В 1918 г. возникла инициативная группа для возрождения сокольства и созыва сокольского съезда. Однако программа и деятельность «соколов» не устраивали новые власти, так как те отмежевывались от заданий введенного декретом ВЦИКа Всевобуча (всеобщего обязательного военного обучения) и проводили в жизнь принципы славянофильства. В 1923 г. по предложению К. Радека и Н. Бухарина сокольство объявили нелегальной организацией и закрыли. Свою историю русское сокольство продолжило среди эмигрантов...

Партерные гимнасты

Многофигурные композиции спортсменов, громоздящихся на головах друг у друга, стали одной из визитных карточек физкультурных парадов в нашей стране в 1930-х гг. Замысловатые фигуры, которые складывали спортсмены, призваны были выражать не только спортивные достижения, но и нечто гораздо больше – счастливую жизнь советских людей и их безграничную веру и преданность «партии и правительству». Они стали символом своего времени.

Тем не менее этот вид спорта культивировался в России задолго до 1930-х гг. Свое распространение он получил в начале XX в. под именем «партерной гимнастики». В нашу страну он пришел из-за границы, где на него обратили серьезное внимание и включили в общую программу гимнастических упражнений в виде «живых пирамид» – двойных, тройных и с большим числом участников.

Момент схватки в французском боксе. Справа – Василий Павлович Крестьянсон, слева – М.М. Антонович. 1911—1912 гг.

Фотограф Карл Булла

В России в ту пору в каждом цирке и почти в каждом летнем театре практически всегда ставились номера из партерной гимнастики, однако она воспринималась больше не как спорт, а вид развлечения. «Среди известных нам видов гимнастики меньше всего прививается гимнастика партерная („Par terre”) на земле и без аппаратов, – сообщал в 1909 г. обозреватель журнала «Русский спорт». – Она состоит из упражнений, исполняемых при содействии других участни-

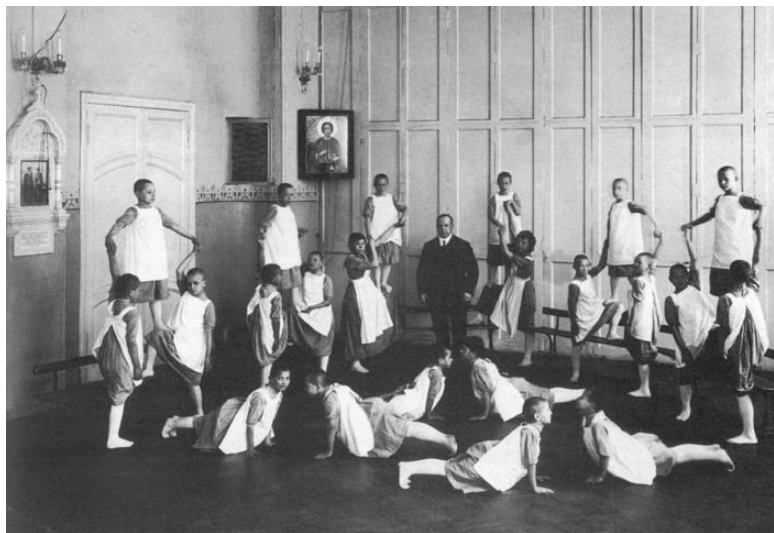
ков, из поднятия упражняющегося на вытянутых руках, восхождения на его плечи и т. д. И все это проделывается красиво и эффектно, с таким расчетом, чтобы избежать телесных повреждений».

Одним из первых поклонников партерной гимнастики среди любителей-непрофессионалов в Петербурге стал Василий Павлович Крестьянсон. Он был известен как чемпион России по гимнастике, заведующий гимнастическим отделом петербургского общества народной трезвости в Народном доме императора Николая II, преподаватель французского бокса в атлетическом кабинете И.В. Лебедева (знаменитого «дяди Вани»), курсов шведской гимнастики и атлетики в Петербургском университете, а также как преподаватель «физических занятий» в престижной гимназии Мая.

Именно В.П. Крестьянсон, а также М.М. Антонович, как отмечали современники, ввели этот вид спорта в Петербурге. Они познакомились друг с другом еще в 1890-х гг. в гимнастическом зале Адмиралтейства, где они занимались гимнастикой под руководством известного преподавателя Брашмана. Пройдя в совершенстве его курс, стали заниматься партерной гимнастикой.

При основании С.-Петербургского атлетического общества они вступили в число его участников и впервые выступили в нем в «публичном представлении» любителей. Вскоре Крестьянсон и Антонович заслужили большую популярность среди спортивной публики в качестве партерных гим-

настов, выступая часто и с большим успехом на различных благотворительных и спортивных вечерах. За ними укрепи-лась слава выдающихся любителей этого вида спорта. Оба они завоевали много наград как за партерную гимнастику, так и за «гимнастику на аппаратах».

Преподаватель Василий Павлович Крестьянсон руководит исполнением гимнастических упражнений. 1913 г. Фотограф Карл Булла

«Трудно найти гимнастов лучше и всесторонне развитых, чем партерные гимнасты, — отмечал обозреватель «Русского

спорта». – Единственная слабая сторона партерной гимнастики – это необходимая привычка участников друг к другу, так что при выбытии из данного состава гимнастов одного члена упражнения не могут продолжаться до тех пор, пока не будет заменен выбывший участник новым и новые товарищи не привыкнут друг к другу».

По системе Далькроза

Европейской сенсацией начала XX в. стала ритмическая гимнастика – система швейцарского композитора и педагога Эмиля Жак-Далькроза. Новинка имела ошеломляющий успех во всех странах Европы, добралась она и до России. Изобретение Жак-Далькроза популярно и сегодня, только называется оно теперь иначе – аэробика.

Первоначально идея ритмической гимнастики зародилась в Швейцарии, но наибольшее свое развитие получила на германской почве. Она выходила за рамки просто спортивных занятий: речь шла о возможности воспитания нового гармоничного человека. Появилась идея создания Школы музыки и ритма, которая осуществилась в городке Хеллерау под Дрезденом. Это заведение, открывшееся 22 апреля 1911 г., сыграло огромную роль в пропаганде ритмической гимнастики и стало образцом для других школ ритма, возникших вскоре в Европе: в Стокгольме, Лондоне, Париже, Вене, Барселоне и в других городах. «Мой метод ритмической гимнастики, – писал Далькроз, – стремится к тому, чтобы движение было искусством».

Горячим и убежденным проповедником ритмической гимнастики в России стал князь Сергей Михайлович Волконский, бывший директор императорских театров. Окрыленный увиденным, он приложил много усилий, чтобы до-

нести свои чувства до всего российского общества. Осенью 1912 г. он открыл в Петербурге курсы ритмической гимнастики и начал издавать «Листки курсов ритмической гимнастики».

«Слово „гимнастика” всегда вызывает мысль о воспитании мускулов, – говорил Сергей Волконский. – Нет, наш предмет – не гимнастика при помощи музыки, а музыкальное воспитание путем гимнастики». Князь подчеркивал, что ритмическая гимнастика поможет преодолеть наше традиционно одностороннее интеллектуальное воспитание: «В школе мы за книгой – наше тело бездействует; в спортивных играх тело работает – ум спит. Ритмическая гимнастика воспитывает те невидимые способности, которые управляют взаимодействием духа и тела».

Сергей Волконский был неутомим в своей пропаганде учения ритмики и нашел немало последователей. Поэт Георгий Иванов вспоминал, как Волконский выступал в артистическом богемном кабаре «Бродячая собака» и, «не стеснясь временем и местом, с жаром излагал принципы Жак-Далькроза». Благодаря энергии и настойчивости Сергея Волконского преподавание ритмической гимнастики в Петербурге ввели во многих престижных учебных заведениях – Смольном институте, гимназии Стоюниной, Реформатском женском училище и т. д., а также в частных группах.

В начале 1913 г. князь Сергей Волконский выступал с докладом на Всероссийском съезде семейного воспитания.

«Освобождение и радость – вот основные чувства, пробуждаемые нашими упражнениями, – заявил он. – Ритм – великая сила, обеспечивающая правильность и безопасность движения во вселенной». После доклада состоялась демонстрация детского урока ритмической гимнастики. Однако появление детей на сцене было встречено громким протестом со стороны некоторой части публики. После первого же упражнения раздались негодующие крики из зала: «Довольно! Не надо!» Тем не менее решением большинства собрания показ все же был продолжен. По замечанию газет, следовавшие за демонстрацией прения «отличались страстностью», а некоторые речи и вовсе дышали злобой и раздражением.

«По-видимому, глас Волконского оказался вопиющим в пустыне, на всероссийском съезде по семейному воспитанию система Далькроза успеха не имела, – писала одна из газет. – Большинство наших выдающихся артистов отнеслось к ней отрицательно. Среди публики также раздавалось немало критических оценок».

Не все испытывали восторг от системы Жак-Далькроза. На страницах печати нередко встречались и отрицательные отзывы. «Ритмическая гимнастика – это детская каторга», – заявлял авторитетный московский доктор Буткевич. «Ритмическая гимнастика – дрессированный пляс, – возмущался известный литератор Федор Сологуб. – Эта гимнастика умерщвляет в душе человека волю к свободному самоопределению».

В начале февраля 1913 г. сам Жак-Далькроз пожаловал в Петербург. Причем не один, а с шестью учениками Хеллерауского института. Он посетил несколько классов ритмической гимнастики и дал ряд уроков. Состоялась демонстрация его системы в театре Музыкальной драмы и в Михайловском театре. Объяснения давали сами Жак-Далькроз и Волконский. Театр был переполнен, и на сей раз публика горячо аплодировала выступлениям учениц Хеллерауского института и петербургских последовательниц ритмической гимнастики.

Петербургские последователи системы Жак-Далькроза наладили тесные контакты с Хеллерауской школой музыки и ритма. Первый номер «Листков курсов ритмической гимнастики», издававшихся с января 1913 г. в Петербурге князем С.М. Волконским, открывался приветствием руководителей, преподавателей и учеников Хеллерауского института. В нем говорилось: «Дабы между Хеллерау и Петербургом мог установиться живой обмен на почве опыта и совершенствования, управление Института Жак-Далькроза в Хеллерау постановило: 1) установить в Хеллерау ежегодный двухмесячный летний курс для учеников русских отделений; 2) учредить ежегодно 5 даровых вакансий на полный годичный курс для учеников русских отделений...»

К началу 1914 г. число поклонников ритмической гимнастики в Петербурге, в России и во всем мире еще больше увеличилось. Преподавание системы Жак-Далькроза проис-

ходило в Германии в более чем 150 учебных заведениях, а также во многих других странах – Америке, Франции, Голландии, Австрии, Швеции, Швейцарии.

В Российской империи ритмическую гимнастику преподавали не только в Петербурге и Москве, но и в Киеве, Риге, Варшаве и Гельсингфорсе. В Петербурге с осени 1914 г. ритмическая гимнастика по системе Далькроза была введена как обязательный предмет в программу Школы балетного искусства, которой руководила актриса Императорских театров О. Преображенская.

«Наши курсы вступают в третий год своего существования, – говорилось в октябре 1914 г. в издававшихся Сергеем Волконским «Листках курсов ритмической гимнастики». – Несмотря на трудности, прилив учеников значителен, и распространение системы в учебных заведениях не остановилось».

Однако начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война самым отрицательным образом повлияла на развитие ритмической гимнастики. Хеллерауский институт закрылся, Жак-Далькроз перебрался из Германии в Швейцарию, а русско-немецкие контакты в области ритмической гимнастики прервались. В здании Хеллерауского института устроили лазарет, а потом ангар для дирижабля. (Тем не менее здание пережило все катаклизмы, случившиеся в Германии, и после Второй мировой войны использовалось для казарм Советской Армии. Спустя много лет, в 1995 г., это место вновь

стало культурным центром.)

«Колыбель Ритма остается для нас лишь воспоминанием, – писал в те дни Сергей Волконский, – как благоуханное, дорогое нам растение, хотя и выросшее на почве злой, отныне чуждой нам страны, среди людей, нарушивших биение основных ритмов человечества».

Нелегко пришлось последователям ритмической гимнастики и в России. Курсы Волконского во время Первой мировой войны закрылись, «Листки» перестали выходить. Правда, Волконский продолжал преподавать ритмику во многих театральных студиях и училищах России. После революции он покинул Советскую Россию и обосновался в эмиграции, где снова продолжил дело ритмической гимнастики, занимаясь ею в балетных студиях Матильды Кшесинской и других русских танцовщиц.

Однако в Советской России остались поклонники Далькроза, и в 1920 г. в Петрограде был создан Институт ритма – на основе бывших курсов Волконского (в 1925 г. его присоединили к Институту сценических искусств). В Москве также возник подобный институт. Их сотрудники занимались разработкой вопросов ритма в музыке, движении, слове, производственных процессах и т. д.

В 1924 г. в Ленинграде издали книгу «Э. Жак-Далькроз и его система», в которой система ритмической гимнастики называлась орудием «одного из величайших устремлений революции – к перерождению человека и человечества,

к возвращению его к естественной природе». «Только наша революция с ее всечеловеческим размахом и мировым значением способна дать делу Далькроза действенный смысл, как культуре тела и освобождению духа», – говорилось в предисловии к книге, написанном актером и режиссером П.П. Гайдебуровым.

К. III ТОРК.

Э. Э. САК-ДАЛЬКРОЗ
И ЕГО СИСТЕМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“ 1924.

Обложка и иллюстрации книги К. Шторка «Э. Жак-Далькроз и его система» (Л., 1924)

К середине 1920-х гг. с самых высоких трибун ритмику стали обвинять в «буржуазности», ее устранили из школьных программ и заменили «производственной гимнастикой». Меньше чем через полвека ритмическая гимнастика вернулась в нашу страну и вновь стала завоевывать тысячи поклонников. Только теперь она уже называлась по-другому

– аэробикой.

Легкая атлетика: «Прыгал с замечательной легкостью...»

Считается, что начало легкой атлетике в Петербурге и вообще в России положил С.-Петербургский кружок любителей спорта, возникший в 1888 г. Впрочем, легкоатлетические состязания устраивались в столице и прежде. Порой они носили полушутливый характер, подобно вошедшему в Петербурге в моду нынче (с 2006 г.) ежегодному женскому забегу на шпильках.

«Бег толстяков»

В сентябре 1883 г. на Царскосельском ипподроме происходило любопытное событие, которое организаторы громко называли «небывалым доселе праздником состязаний». Они особенно упирали на то, что проводился такой праздник впервые и принимали в нем участие исключительно любители, а не спортсмены-профессионалы.

В программу праздника включили состязания на велосипедах, «дамскую скачку», соревнования на «римских колесах», бег русских скороходов, «народную скачку» и прочее. Что именно «прочее» – в афишах не расшифровывалось, но в прессе сообщали, что публике покажут «бег толстяков». В нем будто бы согласились участвовать три известных «объемистых господина» – самые знаменитые петербургские толстяки: один – ресторатор с Казанской улицы, другой – владелец хорошо знакомой многим колбасной, третий – капельмейстер одного из лучших в столице оркестров.

Обещанный «бег толстяков» вызвал настоящий ажиотаж у публики. Все ждали захватывающего и веселого шоу. Поговаривали, что в одном только толстяке-рестораторе 11 пудов веса (один пуд – 16 кг). «Насколько мне известно, „колбасных дел фабрикант” еще более толст до невозможного, и, как он побежит, представляется крайне любопытным и смешным, – ерничал репортер «Петербургского листка». –

Во всяком случае, все три „чемпиона” смело могут рассчитывать быть принятыми членами северо-американского бостонского „клуба толстяков”, в котором призы выдаются не за бег, а за объем, вес, аппетит и способность продолжительнейшего сидения на одном месте».

В назначенный день масса публики, подогреваемой обещаниями увидеть долгожданное супершоу, собралась на состязание. Поезда в Царское Село шли переполненными, ложи и трибуны ипподрома оказались битком набитыми. Организаторы, естественно, были довольны аншлагом.

Поначалу все проходило спокойно. Все номера программы исполнялись в точности и без малейших задержек. Зрителям показали и состязание велосипедистов на двухколесных и трехколесных английских велосипедах, и соревнование русских скороходов, и бег в мешках. После каждого состязания всем победившим участникам сразу же выдавались призы.

Правда, как ехидно замечали острословы, некоторые номера выглядели довольно карикатурно. К примеру, «римские колесницы» были запряжены такими сухопарыми клячами, что их худобе позавидовал бы даже донкихотовский Россинант. Тем не менее публика не роптала, поскольку терпеливо ждала «гвоздя программы» – состязания толстяков. Однако вскоре все номера подошли к концу, и устроители объявили о завершении «праздника состязаний». Цитируем очевидца:

«— Господа, а где же бег толстяков? — раздались возмущенные возгласы зрителей. — Где же толстый ресторатор Кюне, которого нам обещали?

— Толстяков сюда! — кричали в толпе. — Подайте нам толстяков! Где распорядители?»

А распорядителей уже и след простыл. Как они заявили потом, никакого «бега толстяков» и не предполагалось — его придумали, репортеры. Более того, в программе оно вообще не значилось, а потому его и быть не могло. Поэтому с репортеров, обещавших шоу, — весь спрос! Говорили, будто бы добровольно записавшиеся толстяки накануне «праздника состязаний» отказались бежать, поэтому как в афишах, так и в программах это состязание не фигурировало.

Газетчики в долгу не остались: они объявили царскосельский праздник ловкой проделкой мошенников-«прожектеров», завлекших публику обманом. Репортер «Петербургской газеты», который, как говорили, больше других возмущался отсутствием «бега толстяков», вообще написал, что «одураченная публика смотрела нелепое и глупейшее зрелище». Одним словом, яркое спортивное событие превратилось в скандальное шоу. Что там особенного в «народных скачках» и гонках на велосипедах? Толстяков подавай!..

Заморский скороход и русские подражатели

Летом того же 1883 г. на протяжении нескольких недель петербургская публика с интересом наблюдала за небывалыми гастролями англичанина-скорохода мистера Кинга в увеселительном заведении «Крестовский сад». «Для нашей публики такого рода спорт является новинкой, – замечал современник. – А в Нью-Йорке мания на скороходов дошла за последние годы до максимума».

Правда, мистер Кинг дал петербуржцам немало поводов для разочарований. Как обещали, его дебютом в северной столице станет забег 29 июня на 15 верст за час. Однако скороход сослался на недавний дождь, рыхлость грунтов и лужи и согласился бежать 7 верст за полчаса. Публика выстроилась у барьера и в течение получаса неотрывно следила за пробежкой мистера Кинга, восхищаясь его выносливостью и спокойствием. «На первых порах казалось нам, что ход скорохода медлен, но на третьей, четвертой, пятой и половине шестой верст Кинг „разошелся“, как кровный рысак», – отмечал современник.

После окончания забега публика устроила англичанину овацию, а некоторые из присутствовавших медиков отнесли к Кингу как к объекту изучения. Доктор Лещинский тут же провел обследование скорохода, о котором потом со-

общил зрителям. По его словам, по окончании бега пульс Кинга составлял 160 ударов в минуту, а через шесть минут – 108 ударов. «Сердцебиение было до такой степени сильно, что приложенная рука доктора отскакивала от левой грудной полости», – сообщал очевидец. Правда, сам Кинг заявлял, что не чувствует никакой усталости.

Через неделю англичанин совершил второе выступление в «Крестовском саду». Публики собралось в два раза больше, чем в прошлый раз, – около четырех тысяч, а для подробного изучения «феномена Кинга» собралась целая медицинская комиссия. Англичанин совершил два забега – на полторы версты и на 15 верст, причем во втором из них соперниками Кинга стали два добровольца из числа зрителей – «вятские крестьяне-битюги».

«Впереди понеслась красная рубаха при громком смехе публики, следом наш же битюг в крахмальной сорочке без жилета и дальше скороход Кинг в костюме акробата», – сообщал репортер. Правда, русские бегуны посрамили свою честь: они быстро рванули на старте, оставив далеко позади флегматичного англичанина, но затем резко сдали: один на четвертом круге, другой – на одиннадцатом. А мистер Кинг бежал как ни в чем не бывало. Чем дольше он бежал, тем легче становился его бег.

Обещанные 15 верст англичанин пробежал за 49 минут и 30 секунд. Когда он дошел до финиша, раздались крики «ура» и «браво». Дамы махали платочками, мужчины под-

брасывали вверх шляпы и трости. Неудавшихся русских скороходов купцы поощрили выпивкой. «У нас в деревне, – говорил какой-то подгулявший субъект, – дьячковский сын – вот бегал-то. Бывало, лошадь обгонял». «Супротив арестанта никто не выстоит», – замечал другой.

Тем не менее идея «обставить» англичанина нашла своих продолжателей. И если «вятские битюги» оказались неопасными соперниками, спасовавшими через несколько верст, то через несколько дней с Кингом состязался молодой петербуржец Сергей Русин, выходец из крестьян Могилевской губернии, который оказался достойным конкурентом. Оба скорохода состязались 49 минут: Кинг за это время прошел 15 верст, а Русин – 11 с половиной. Публика восторженно приняла нашего доморощенного, никогда специально не тренировавшегося бегуна. Ему устроили овацию. Когда же выяснилось, что Русин уже два года как безработный и живет очень бедно (до этого он четыре года служил в конторе редакции журнала «Нива»), ему тут же среди публики и артистов собрали 60 рублей.

На 10 июля в «Крестовском саду» назначили заключительный бег Кинга. К восьми вечера в «Крестовском» было уже яблоку негде упасть. Первый бег Кинга, на полторы версты, прошел спокойно. Но когда он собрался бежать 15 верст, стать его соперниками вызвались два мастеровых, а потом появился еще один – бегун в красном, оказавшийся венским скороходом Кони. Кинг оказался в замешательстве:

он не ожидал столкнуться с таким серьезным противником.

Один из «доморощенных» сдался через пять минут, потом на одном из поворотов на четвертой версте Кинг угостил пинком своего соперника Кони, да так неудачно, что сам упал в грязь и больше бежать не мог. Кони, проделав после «угощения» еще пару кругов, тоже выбыл из гонки. На арене остался лишь любитель, который продолжал бежать, но затем с криком «Мне колет!» остановился. Его окружили, стали ощупывать и осматривать, затем толпа с воплями радости стала качать победителя.

Содержатель сада Евсеев оказался в щекотливом положении: выдавать призовые деньги надо было не именитым скороходам (на что уже был уговор), а реальному победителю. Евсеев этого не сделал, чем вызвал буйство публики. Многие взбадривали себя пивом и водкой, и только разразившийся ливень остудил горячие головы.

Через два дня в «Крестовском саду» Кинг и Кони сразились еще раз. По условиям состязания, оба должны были бежать до тех пор, пока один из них не спасует. Победителем стал Кинг, получивший приз в сто рублей. Вечером он укатил на гастроли в Москву....

В октябре того же года в Петербург пожаловал еще один скороход. На сей раз им стал Диббельс из Вены – немец по происхождению. Личностью он был знаменитой: выступал во всех больших городах Западной Европы и имел немало медалей и призов. В Петербурге он дебютировал 16 октяб-

ря 1883 г. в саду «Александрия» у Измайловского моста, показав, как отмечали современники, невероятную выносливость в беге и оставив далеко позади всех своих соперников – как профессиональных, так и добровольных бегунов-скоороходов. За два часа безостановочного бега он прошел 30 верст.

Первоначально с ним состязалась лошадь, но на девятой версте забега она захромала на правую переднюю ногу и сошла с дистанции. Диббельс продолжал бежать один. Пройдя за час более пятнадцати верст, он усложнил себе задачу: стал на бегу преодолевать препятствия, которыми служили расставленные поперек высокие столы.

«С замечательной легкостью он прыгал через столы по несколько раз, – сообщал очевидец, – затем переменял направление бега, сделав несколько кругов вспять, и продолжал бежать далее, не проявляя ни малейшей усталости, разговаривая с публикой, отдавая приказания – дать ему коньяку, закуски, пива, сигару и т. п. На двадцать второй версте ему вторично поставили препятствия, и скороход брал их с прежней легкостью».

Когда условленный срок времени бега стал заканчиваться и Диббельс прошел уже тридцать верст, то он потребовал, чтобы с ним состязалась лошадь. Но даже она не смогла догнать мчавшегося как стрела феноменального бегуна. Раздались восторженные аплодисменты, и представление закончилось. Собравшиеся спортсмены-бегуны были в восторге.

Овациям не было конца.

Через несколько дней Диббельс устроил свое шоу в Кронштадте, где также покориł местную публику. А затем вторично бежал в «Александрии», где пообещал снова сделать за два часа тридцать верст. Особенный интерес публики вызвало сообщение, что одновременно с Диббельсом будет бежать его жена, хотя и на гораздо меньшую дистанцию.

Кроме того, венский скороход приглашал всех желающих состязаться с ним как он сам говорил, «выдержать курс бега». В случае, если Диббельс окажется побежденным, организаторы обещали выплатить победителю премию в размере не менее ста рублей. К сожалению, сведений о том, как прошло это представление, в газетах обнаружить не удалось. Но известно, что спустя неделю после этого, 30 октября, Диббельс устроил в саду «Александрия» свой последний состязательный бег. За два часа он обогнал шестерых скороходов-добровольцев и при этом, как и прежде, преодолевал на своем пути импровизированные препятствия. Публика рукоплескала своему кумиру и предвкушала новые зрелища: ведь Диббельс пообещал, что зимой будет устраивать состязания скороходов. на льду Невы.

Петр Москвин и тярлевские спортсмены

Местами, где зародился петербургский массовый легкоатлетический спорт, с полным правом можно считать популярные дачные поселки Павловск и Тярлево. Началось все в 1888 г., когда десять проживавших на дачах в Тярлево юношей во главе с 17-летним Петром Москвиным, тоже жившим там с родителями на даче, называли себя «тярлевскими спортсменами». Но не просто так: они любили смотреть скачки на близлежавшем царскосельском ипподроме, а потом начали сами играть в скачки, изображая жокеев.

Вскоре эта игра перешла в состязания в беге, которые стали устраиваться на Березовой аллее Павловского парка. При этом ребята ввели приемы и правила скачек, учредив приз «тярлевское дерби» на дистанцию в полторы версты. Маленький кружок первоначально назывался Обществом тярлевских любителей бега. Ребята подружились и увлеченно занимались спортом. Через некоторое время общество переселилось на Петровский остров в Петербург, причем столичные состязания, благодаря участию в них спортсменов из других обществ, стали значительно интереснее, чем тярлевские.

Здесь кружок Москвина назывался Петровским обществом любителей бега. В 1890 г. кружок провел первые сов-

местные соревнования по бегу с британским клубом «Стрела», который помещался на Крестовском острове. Участники кружка Москвина стали поддерживать контакты с английскими и русскими спортивными кружками, активно участвовать в соревнованиях на первых циклодромах Петербурга, а также заниматься футболом. С 1893 г. кружок расширил программу состязаний, включив в нее прыжки, барьерный бег, метание диска и копья.

Последнее состязание в Тярлево общество устроило в 1898 г., когда праздновался его 10-летний юбилей. Одним словом, С.-Петербургский кружок любителей спорта, или просто кружок «Спорт», положивший начало легкой атлетике в северной столице, являлся одной из старейших спортивных организаций нашего города.

За весь свой начальный период кружок был обязан своим существованием практически одному человеку – Петру Москвину. Он был председателем, секретарем, казначеем и тренером в одном лице. Его знали как хорошего спортсмена и отличного организатора: он умел, как отмечалось в журнале «Спорт», «товарищески связывать всех сочленов общества, будь ему 40 или 15 лет, будь он англичанин, немец или русский и совершенно независимо от общественного положения, которое они занимали». По словам знавшего его конькобежца Н.А. Панина-Коломенкина, «это был энергичный, деятельный, подвижный человек, небольшого роста, с густыми черными усами и такими же черными, всегда весе-

лыми глазами. Он держался настолько приветливо и дружелюбно, что вскоре после знакомства с ним каждому невольно думалось, что именно он заслужил его глубочайшую и исключительную симпатию».

Кроме Петра Москвина еще одним человеком, много сделавшим для кружка, был конькобежец Алексей Павлович Лебедев, которого, несмотря на его вовсе не старый возраст, прозвали «дедушкой фигуристов». Когда он пришел в кружок, тот испытывал серьезные затруднения из-за отсутствия собственного места и сильной конкуренции велосипедных обществ. Именно благодаря Лебедеву удалось провести удачные выступления на царскосельском циклодроме и на петербургском велодроме. При нем начались первые занятия футболом и различными видами легкой атлетики, а также началась зимняя игра в хоккей.

«Тярлевские спортсмены» долго не могли добиться официального признания своего кружка, потому как он состоял из мелких чиновников, служащих, торговцев, студентов, а подобные организации не пользовались доверием властей. Только 15 июня 1896 г., благодаря настойчивости Алексея Лебедева, юриста по образованию, состоялась его официальная регистрация, после чего он стал называться С.-Петербургским кружком любителей спорта, или просто «Спортом». Тем не менее годом своего основания кружковцы считали 1888-й и в 1913 г. отмечали свой 25-летний юбилей.

Однако сердцем кружка все равно оставался Москвин,

сплотивший в нем почти всех любителей легкой атлетики и многих приверженцев спортивных игр в Петербурге. По мнению Н.А. Панина-Коломенкина, он «создал первую у нас солидную легкоатлетическую организацию, ставшую в дальнейшем сильнейшей в стране». Многие члены кружка были одновременно и членами других обществ. После официальной регистрации в кружке стали появляться и весьма состоятельные люди: доктора медицины, купцы, иностранные подданные и т. п. Именно на их пожертвования, а также на членские взносы и существовал кружок. 19 октября 1896 г. состоялось первое официальное собрание «Спорта», на котором избрали руководящий комитет кружка. Председателем стал А.П. Лебедев, его заместителем («товарищем») П.П. Москвин.

Столичная пресса много писала об образовании кружка и всячески приветствовала его увлечения разнообразными видами спорта, называла его «молодым и симпатичным». Летом он проводил свои соревнования на Каменноостровском велодроме (на месте нынешней станции метро «Петроградская»), который принадлежал Обществу велосипедистов-любителей, зимой перебирался в манеж на Ждановской улице, арендовавшийся английской командой под названием «Василеостровский кружок футболистов».

В конце сентября 1895 г. кружок «Спорт» устроил, как гласили афиши, «грандиозное состязание скороходов». Речь шла о соревновании в спортивной ходьбе. Дистанция в 19,5

версты пролежала от Египетских ворот в Царском Селе до Московской заставы. Для контроля над ходоками во время пути к ним приставили контролеров на велосипедах, дабы те следили, чтобы форсированный ход не переходил в бег. Участвовали в гонке 11 человек.

«С первой же версты господа ходоки убоялись шоссейной грязи и пошли по тропинкам, но и здесь было не слаще: глубокие, наполненные грязью канавки пересекали тропинки чуть ли не каждые двадцать саженей, – сообщал репортер. – Пришлось опять выйти на шоссе и уже лупить вперед, не стесняясь грязи». Победителем гонки стал Б.Х. Пауль, преодолевший дистанцию за 2 часа 14 минут 13 секунд. Тем не менее побить всероссийский рекорд, установленный А.И. Деревницким, ему не удалось. Впрочем, утешало то, что Деревницкий шел по сухой дороге, а здесь пришлось идти по непролазной грязи.

Кружок «Спорт» первым ввел русскую народную игру в городки в ранг спортивной и проводил состязания на царскосельском велодроме. А зимой 1897 г. при кружке создали футбольную команду – первую русскую команду в стране. Кроме того, «Спорт» стал первым кружком в Петербурге, который ввел игру в хоккей. Благодаря ему эта игра стала процветать в спортивном мире Петербурга. К развитию конькобежного и лыжного спорта кружок также имел самое непосредственное отношение.

В середине 1890-х гг. стараниями А.П. Лебедева кружок

арендовал площадку на Надеждинской улице Крестовского острова. Здесь выровняли площадку под футбольное поле, построили дом с раздевалкой и душем, тир для стрельбы, устроили два теннисных корта, беговую дорожку, места для прыжков и метаний.

Последовавший спустя несколько лет уход Лебедева с поста председателя кружка стал большой потерей для его участников. Начались разногласия, а это редко помогает общему делу, и потребовалась новая энергия для того, чтобы вновь дать толчок развитию кружка. Тем не менее новый организатор Э.Г. Фолленвейдер сумел за несколько лет дать кружку «блестящее положение».

«В настоящее время С.-Петербургский кружок любителей спорта – чуть ли не самая деятельная в Петербурге спортивная корпорация, и деятельность кружка в высшей степени разнообразна, – сообщал журнал «Спорт» в 1908 г., к 20-летнему юбилею кружка. – Самое большое внимание обращается на легкую атлетику, и в этой области у кружка нет соперника. У кружка лучшая дорожка для бега, лучшие места, специально приспособленные для прыжков и метаний, и, наконец, лучшие атлеты-специалисты».

Кроме легкой атлетики кружок стремился культивировать футбол и лаун-теннис. В последнем виде спорта кружку, правда, не удавалось составить конкуренцию клубам, специализировавшимся исключительно на лаун-теннисе. Однако из «Спорта» вышло немало хороших игроков-теннисистов.

Кроме того, кружок пытался развивать плавание и велосипедный спорт. Кстати, традиционная гонка Гатчина – Петербург являлась самым «старинным» велосипедным пробегом в столице.

В своей спортивной деятельности кружок постепенно выходил за границы Петербурга: так, в августе 1909 г. он устроил уже не местные, а международные соревнования, разыграв на них четыре переходящих кубка – для победителей в беге на 100 и 400 метров, в барьерном беге и кубок имени А.П. Лебедева, присуждавшийся обществу, которое показало лучший результат по сумме всех номеров состязаний.

В кружке состояли лучшие спортсмены России того времени: Э.Г. Фолленвейдер, занявший третье место в беге на 1000 и 1500 метров на чемпионате мира по конькам в Давосе в 1890 г., М.И. Дьяков – долгое время лучший велосипедист в России, чемпион России в 1893—1895 гг., чемпион Англии 1896 г.

Активным участником кружка был Н.А. Панин-Коломенкин – пятикратный чемпион России, чемпион четвертых Олимпийских игр 1908 г. в Лондоне. В ту пору он занимался легкой атлетикой и однажды в беге на сто метров победил самого Москвина, играл в лаун-теннис, занимался стрельбой, выступал левым полузащитником футбольной команды «Спорт» и членом гоночной комиссии. Принимал участие в «Спорте» Г.А. Дюперрон – разносторонний спортсмен, крупный деятель по организации спорта, который вме-

сте с Москвиным руководил футбольной командой кружка. Он исполнял обязанности секретаря кружка.

Павел Иванович Лидваль – победитель соревнований в беге с барьерами, организованных С.-Петербургским кружком любителей спорта. 1909 г.

Фотограф Карл Булла

Гордостью кружка «Спорт» являлся П.И. Лидваль. «Вот уже добрый десяток лет, как этот неутомимый атлет пожинает у нас лавры вполне заслуженных побед, – писал в 1908 г. спортсмен А.С. Петровский в петербургском журнале «Спорт». – Начав свою спортивную карьеру на славном когда-то Каменноостровском велодроме, Павел Иванович выступает на всех состязаниях Петербургского кружка любии-

телей спорта, Петербургского кружка спортсменов, Русского национального общества, общества „Унион”, Гельсингфорсского и Выборгского клубов».

Главной сферой приложения его спортивных сил являлась легкая атлетика, а основным полем деятельности – кружок «Спорт». К 1908 г., за десять лет своей спортивной карьеры, Павел Иванович завоевал полторы сотни призов. Среди его побед было немало таких, которые составили гордость всего русского спорта. К примеру, в 1906 г. он завоевал приз на чемпионате Швеции по бегу 110 метров с барьерами, победив всех лучших скандинавских легкоатлетов. Ему принадлежали четыре всероссийских рекорда – в беге на 400 метров, на 110 метров с барьерами, эстафетном беге на 400 метров и в прыжках в высоту.

«На петербургских чемпионатах он не находит соперников, – отмечал А.С. Петровский. – Кружок любителей спорта может гордиться таким представителем: черный и белый цвета кружка никто не будет носить с большей честью, чем он. Я не помню ни одного состязания, где бы мой товарищ и часто соперник не выступал, и всегда с большим успехом. В своей специальности он не находил себе равных, и только лучшие из англичан и американцев могли бы одержать над ним верх».

Парад С.-Петербургского кружка любителей спорта на Крестовском острове в день празднования 25-летнего юбилея кружка. 1913 г.

Фотограф Карл Булла

Однако Павел Лидваль отлично проявил себя не только в легкой атлетике – гребной спорт также считал его одним из своих лучших представителей. Состоя членом Речного яхт-клуба, Павел Лидваль неоднократно брал призы на гребных гонках. Не чужды ему были хоккей, бег на коньках, теннис и футбол. Много раз Павел Лидваль защищал на матчах честь кружка «Спорт». «Павел Лидваль никогда не отказывался от состязания с заведомо более сильными соперниками и всегда стоял на защите цветов своего клуба, – продолжал А.С. Петровский. – Скольким бы нашим чемпионам можно было бы дать совет следовать примеру Павла Ивановича и не

стремиться лишь заработать как можно больше жетонов».

Традицией кружка стали ежегодно устраиваемые международные состязания по легкой атлетике. Двадцатилетний юбилей своего существования, в июне 1908 г., кружок отметил проведением впервые в России первенства страны по легкой атлетике. К участию в нем были приглашены многочисленные региональные (провинциальные) спортивные общества, однако многие из них отказались, сославшись на неподготовленность. Поэтому из провинциалов приехали только члены рижского отделения общества «Унион». Неожиданно для всех именно они и увезли с собой четыре приза: за бег на 1000 и 1500 метров, за прыжки в высоту и в длину.

Представители северной столицы, завоевавшие призы, оказались членами С.-Петербургского кружка любителей спорта. Они победили в трех метаниях, в беге на 400 и 110 метров с барьерами и в прыжках с шестом. Состязания на первенство России по легкой атлетике завершились торжественным банкетом в яхт-клубе.

Активная деятельность кружка длилась почти четверть века. Продолжил он свое существование и после революционных катаклизмов, хотя состав участников, конечно же, претерпел изменения. В 1920-1921 гг. кружок выступал под названием «Скорая помощь», с 1924 г. – «Петроградский район», а в 1927 г. клуб прекратил свое существование. Что же касается его основателя Москвина, то судьба забросила

его далеко от Питера. Еще в начале XX в. по делам банковской службы его командировали на Дальний Восток, в город Сретенск, но и там Москвин продолжал занятия спортом. Именно он ввел игру в хоккей в спортивную жизнь городов Дальнего Востока. В 1945 г. получил почетное звание заслуженного мастера спорта СССР, а спустя три года, 6 октября 1948 г., трагически погиб во время ашхабадского землетрясения.

Кроме С.-Петербургского кружка любителей спорта легкую атлетику в северной столице культивировали Кружок спортсменов, имевший свою площадку в Таврическом саду, а также Русское национальное общество любителей спорта, Нарвский кружок спортсменов и другие. Легкая атлетика занимала ведущее место в деятельности крупнейших петербургских спортивных организаций – обществ «Маяк», «Богатырь», «Санитас», «Сокол» и т. д.

В 1906 г. петербургские легкоатлеты впервые разыграли чемпионат города, а в июле 1908 г., как уже говорилось, на Крестовском острове состоялось первое всероссийское легкоатлетическое первенство. С этого времени чемпионаты страны стали проводиться ежегодно. В 1912—1913 гг. возникли С.-Петербургская и Московская лиги любителей легкой атлетики, а в июле 1913 г., благодаря усилиям деятеля российского спортивного движения В.И. Сарнавского, возник Всероссийский союз любителей легкой атлетики.

«Русский марафон»

14 сентября 1912 г. между Петербургом и Павловском состоялся пробег под названием «Русский марафон». Петербургская печать уделила немалое внимание этому исключительному спортивному событию, ведь это был первый в России марафонский бег. Состязание устроил С.-Петербургский кружок любителей спорта. Призом объявили переходящий кубок газеты «Вечернее время» имени ее редактора Б.А. Суворина.

Дистанция в 28 верст начиналась от железнодорожного моста на Московском шоссе (Путиловская ветка). Старт назначили на три часа, и к этому времени сюда стали съезжаться участники бега, судьи и «посторонняя публика», привлеченная новизной впечатлений. «У Путиловской ветки съезд как на скачках: автомобили гудят, откосы железной дороги, мост, шоссе, все усеяно молодежью, студентами, рабочими, офицерами, барышнями, одним словом, праздник молодежи, – писала газета «Вечернее время». – Устраивается среди судей тототшка, закладывают пари, в какое время участники пробегут. В результате никто не угадал истины».

Всего на пробег записались 42 человека, из них 7 человек – от С.-Петербургского кружка любителей спорта, 6 – от С.-Петербургского кружка спортсменов «Кречет», по 5 – от московского общества любителей лыжного спорта, Царско-

сельского кружка любителей спорта, 4 – от Русского национального общества любителей спорта, по 2 – от спорт-клуба «Унитас» и от спортивной секции эстонского общества и по одному человеку – от Петербургского гимнастического общества, кружка спортсменов Политехнического института и рижского спортивного общества «Аматер». Однако к означенному времени из 42 записавшихся явились только 35. Стрелочник-железнодорожник охотно предоставил спортсменам свою будку для переодевания. Как отмечал «Петербургский листок», они «все были одеты более чем легко. До колен полотняные брючки и такая же рубашка, руки голые. На ногах мягкие туфли с резиновой подметкой».

На двух автомобилях, безвозмездно предоставленных в распоряжение членов жюри директором петербургского автомобильного товарищества В.И. Шишкиным, заведующим петербургским отделением Русско-Балтийского завода А.А. Романовым и М.Н. Лихаревым, съехались судьи. Одним автомобилем был великолепный «Испана-Суиза», премированный за пробег императорским призом, другим – «Стевард». Из Царского Села с участниками-царскоселами в пользование жюри прибыли три машины царскосельской автомобильной дружины.

Согласно правилам кружка – устроителя пробега, все руководство состязанием перешло к жюри, члены которого тщательно расписала свои роли. Главным судьей стал В.И. Срезневский, представлявший С.-Петербургское общество

любителей бега на коньках (он заменил отказавшегося за неимением времени А.Д. Макферсона – председателя все-российских футбольного, теннисного и гребного союзов), судьями на финише – Б.А. Суворин, П.И. Лидваль и известный футболист Г.А. Дюперрон. По всей трассе пробега расставили судей-контролеров: у Средней Рогатки, у поворота на Кузьминское шоссе, у Египетских ворот и на выходе из Царского Села. Действовала также и группа «летучего контроля».

Раздался первый сигнал, и вперед помчался автомобиль с контрольными судьями. Участники бега построились и встали по командам. По сигналу стартера участники пробега двинулись в путь под громкое единодушное «ура» собравшейся публики. Как писала газета «Вечернее время», сразу же после этого все, кто имел возможность, устремились к автомобилям, другие бросились на трамвай, чтобы добраться до вокзала и на месте финиша в Тярлево встретить «и победителей и побежденных».

По свидетельству журналиста «Петербургского листка», трасса пробега представляла собой весьма непривлекательную картину: «Ноги тонули в жидкой, липкой грязи. В ту и другую сторону непрерывной вереницей тянулись ломовые подводы». И далее: «Многие из сопровождающих угощали бегунов шоколадом, лимонами и яблоками, которые сейчас же, во время бега, и уничтожались».

Финиш назначили в Павловске, около поля местного

кружка любителей спорта. Здесь тоже собралось множество публики, которая громом аплодисментов приветствовала спортсменов. Первыми появились А. Щипунов (Русское национальное общество любителей спорта) и П. Шубин (Петербургский кружок любителей спорта). Они шли почти вровень, и только сильным финишным броском Щипунов опередил соперника на десять метров и пришел первым, с «феноменальным» временем – 1 час 38 минут 37 секунд. В течение 45 минут после Щипунова последовательно кончили дистанцию 32 человека, и только трое сошли с пробега.

По установленным правилам кубок присуждался той спортивной организации, команда которой набирает наименьшее количество очков (первое место – 1 очко, второе – 2, и т. д.). Поэтому, несмотря на победу спортсмена-«национала», кубок «Вечернего времени» присудили команде С.-Петербургского кружка любителей спорта, участники которой набрали 19 очков, а команда «националов» при 31 очке осталась на втором месте. «Обратно ехали все вместе в одном вагоне, который был совершенно безвозмездно предоставлен правлением Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги», – отмечало «Вечернее время».

Так родилась просуществовавшая вплоть до самой революции петербургская традиция проведения 14 сентября «Русского марафона» – пробега Петербург – Павловск на кубок «Вечернего времени». Уже при новой власти, в 1923 г., традицию марафонского бега возобновили, когда по иници-

ативе петроградского журналиста Эдуарда Пендера (псевдоним – Федор Бугровский) прошел пробег по трассе от Тярлева до улицы Желябова (бывшей и нынешней Большой Конюшенной), где тогда размещалась редакция «Красной газеты» – организатора соревнований.

Затем старт пробега перенесли на привокзальную площадь города Пушкина, а место финиша с 1935 г. установилось за площадью Урицкого (бывшей и нынешней Дворцовой). Вначале это был пробег на призы «Красной газеты», затем «Ленинградской правды», а с 1952 г. на призы «Вечернего Ленинграда» (ныне – «Вечернего Петербурга»). Эта газета и сегодня поддерживает традиционное ежегодное спортивное событие.

«Царскосельский сбор спортсменов»

В апреле 1913 г. Царскосельское автомобильно-спортивное общество организовало большие состязания под названием «Сбор спортсменов». Они должны были помочь получить ответ на вопрос: с помощью какого вида спорта быстрее всего добраться из Петербурга в Царское Село?

Общий старт назначили у Московских ворот. Первыми отправились в половине девятого утра пешеходы – 33 человека, затем бегуны, кавалеристы, велосипедисты, мотоциклисты и автомобилисты. Экипажей и аэропланов не было. Всего стартовало около сотни спортсменов. Несмотря на ранний час, их провожала разношерстная толпа народа.

По трассе состязания высыпали местные жители и с любопытством наблюдали за невиданным зрелищем. В Царском Селе у стадиона на месте финиша уже с десяти часов утра собралось громадное количество публики. Прибывавших спортсменов встречали восторженными криками «браво».

В 11 часов показался первый пешеход, прошедший всю дистанцию в 22 версты за 2 часа 44 минуты. Им был эстонский спортсмен Ребонэ. «Редкий случай, что все участники-пешеходы закончили состязание, хотя многие из них были совершенно не подготовлены, – отмечал один из спортивных обозревателей. – Все участники были в легких три-

ко или спортивных костюмах и в сандалиях или в туфлях, а участники – кадеты Александровского корпуса в обычной форменной одежде и в казенных сапогах, так что условия состязания были далеко не равными и для кадетов более трудными».

Лучший результат бегунов от Петербурга до Царского Села составил 1 час 40 минут, кавалеристов – 1 час 5 минут (первым пришел штабс-ротмистр Макаров). Отличное время показали велосипедисты: первым за 51 минуту пришел представитель спортивного общества «Кречет». Мотоциклисты ненамного опередили велосипедистов: лучший из них пришел за 46 минут. Из трех стартовавших автомобилей дошел только один, его результат составил 25 минут. Второй автомобиль попал в аварию, третий также не смог закончить гонку.

Не все проходило гладко в состязании. Журнал «Сила и здоровье», рассказывая о «Сборе спортсменов», приводил впечатления участника-бегуна, который, дойдя до финиша в Царском Селе, едва не окоченел на стадионе, ожидая, когда из Петербурга привезут их «цивильную» одежду. «Поднявшийся ветер пронизывает бедных спортсменов до костей, многие ропщут, – рассказывал он. – Оказывается, один из организаторов еще в Петербурге приказал перегрузить все вещи участников с автомобиля на крестьянскую повозку, и в результате несчастные спортсмены, с которых взяли за участие в состязании по рублю, вынуждены были после финиша

четыре часа мерзнуть на стадионе».

Однако, несмотря на все минусы проведенного мероприятия, публика осталась очень довольна. Все участники состязаний, среди которых оказалось много студентов и школьников, получили памятные призы-жетоны, а лучших из спортсменов торжественно наградили ценными призами. Главные призы – четыре серебряных бокальчика и бронзовые жетоны – достались пешеходам.

«Такие разнородные состязания чрезвычайно полезны, поскольку знакомят наше общество одновременно с различными видами спорта», – писал современник. Многие из участников-спортсменов настолько заинтересовались «Сбором спортсменов», что обратились к организаторам с просьбой повторить подобные состязания.

«Забег в тулупах»

Каждый год в середине мая в Новой Деревне, причем исключительно в теплые дни, устраивалось необычное состязание на скорость прохождения определенного пространства в полном зимнем облачении – в тулупах, валенках, рукавицах и т. п.

«Состязания эти имеют некоторый исторический характер и несут свое начало с того времени, когда в Новой Деревне почти все дачи принадлежали немцам и артистам казенных и частных театров, – замечал обозреватель «Петербургского листка». – Конкурентами на „выносливость” являются и до сих пор местные крестьяне, которых год от года является все меньше и меньше».

На «забег в тулупах», устроенный 12 мая 1913 г., к старту за вокзалом Приморской железной дороги (он находился на месте нынешнего Приморского проспекта, недалеко от станции метро «Черная речка») явилось всего восемь парней, а публики, желавшей посмотреть на этот своеобразный чемпионат, пришло гораздо больше. Кроме «аборигенов» Новой и Старой Деревень было много гостей, специально приехавших из города. Участники соревнования должны были преодолеть расстояние до Коломяг, обогнуть их и вернуться обратно в Новую Деревню к одной из дач.

«Первым пришел здоровенный детина по прозвищу Митя

и, обливаясь потом, получил первый приз – большой никелированный самовар, – говорилось в репортаже «Петербургского листка». – Второй приз остался без присуждения, так как претендент на него на половине дороги скинул тулуп. Третий приз, в виде живого поросенка, достался старику лет шестидесяти».

«Соединиться с Петербургом бегом»

В мае 1914 г. состоялось небывалое спортивное событие – эстафетный бег из Москвы в Петербург. «Всеми возможными способами сносились москвичи с Петербургом, – замечали современники. – Теперь московский кружок спорта решил соединиться с Петербургом бегом».

Вечером 24 мая у Тверской заставы в Москве взял старт спортсмен Федоров, один из 43 участников пробега. В руках он держал серебряную трубку-футляр, в которую вложили донесение московского губернатора петербургскому коменданту. Вслед за ним отправились в путь на автомобилях 27 бегунов и командоры пробега, а остальные 15 спортсменов выехали на дистанцию ранее.

По условиям эстафеты, бегуны сменяли друг друга, передавая из рук в руки серебряный футляр. Согласно условиям, они бежали днем и ночью, чтобы пройти дистанцию в 670 верст за 60 часов. До Новгорода спортсмены менялись довольно редко, но затем, решив как можно скорее добраться до северной столицы, стали меняться чаще и достигли цели почти на 7 часов раньше.

Финиш эстафетного пробега назначили в помещении утиловского кружка спортсменов-любителей за Нарвской заставой, где московских бегунов ждали петербургские спортсмены во главе с председателем российского олимпий-

ского комитета В.И. Срезневским. Особенно нетерпеливые выехали навстречу на велосипедах.

Ровно в половине второго ночи 27 мая эстафета достигла Петербурга: порог помещения «путиловцев» переступил запыхавшийся московский спортсмен Хорьков, считавшийся одним из лучших русских бегунов. Под громкие крики «ура» он вручил футляр с донесением Срезневскому. Вслед за Хорьковым на трех автомобилях прибыли и остальные спортсмены, принимавшие участие в эстафете. Таким образом, из Москвы в Петербург они добрались за 53 часа 25 минут. Кроме донесения они доставили приветствие всем спортивным организациям Петербурга. «Вид у Хорькова, а также и у других участников вполне здоровый, и они нисколько не жалуются на усталость, – резюмировали столичные репортеры. – Скорость пробега выдающаяся».

Праздник британских матросов

Любопытной вехой в истории питерской легкой атлетики стало прибытие в июне 1914 г. в Петербург с дружественным визитом английской эскадры. В столице она находилась целую неделю. В рамках «английских дней» в Петербурге, кроме торжественных обедов и приемов, бала на английском крейсере, 15 июня состоялся большой легкоатлетический праздник английских моряков.

Праздник в честь своих земляков устроила петербургская английская колония. Местом проведения праздника стало поле Невского общества подвижных игр на Малой Болотной улице. «На многих были спортивные фуфайки с инициалами своего судна, трусики и легкие туфли, – сообщала об участвовавших в состязании английских матросах «Петербургская газета». – Одни были в обыкновенных брюках и сапогах, другие предпочли состязаться босиком».

Соревнования проходили только по легкой атлетике. В беге на 100 метров победил матрос с линейного крейсера «Новая Зеландия». Самым большим по числу участников стал бег парами матросов, ноги которых были связаны между собой. Это было одно из наиболее любимых английскими моряками состязаний. Номер вызвал массу смеха, как и последовавший затем бег в мешках.

Во всех состязаниях принимали участие одни англичане,

и только в перетягивании каната экспромтом поучаствовали русские моряки из 2-го Балтийского экипажа. Три раза они перетягивались с матросами с крейсера «Королева Мери» и морскими пехотинцами. Первые два раза победили русские моряки. Гром аплодисментов был им наградой. Во третьем же перетягивании верх взяла английская морская пехота.

Последним номером состязаний стал бег с препятствиями, в котором приняли участие двести (!) английских матросов. Им требовалось проползти под барьер, перебежать через крутую деревянную горку, пролезть под туго растянутым по земле куском полотна и, наконец, проскочить через бочку, висевшую на высоте полутора аршин (1 м) от земли. После окончания всех номеров состязаний победители получили награды от столичной английской колонии – серебряные портсигары, подстаканники, кубки, ложки, деревянные шкапулки в русском стиле и другие памятные сувениры.

Перед тем как распрощаться с гостеприимным Петербургом, некоторые английские моряки посетили скачки на Коломяжском ипподроме. По словам очевидцев, британцы очень внимательно следили за скачками и охотно ставили на тотализаторе, проиграв немало денег.

Совершенно случайно, как сообщал газетный репортер, английские моряки на ипподроме стали свидетелями «удали и отваги русских кавалерийских офицеров». Суть дела была в следующем: на одном из препятствий внезапно споткну-

лась и упала лошадь Аванта. Ее наездник, поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка де Витт, остался лежать на земле. Казалось, что он «страшно расшибся» и лежит без сознания.

Однако уже через несколько минут де Витт нашел в себе силы подняться с земли. Отказавшись от помощи врачей, он, несмотря на полученные ушибы, снова продолжил состязание. Наездник заставил лошадь взять все препятствия, после чего благополучно закончил четырехверстную скачку. «Выносливость отважного русского кавалериста так потрясла англичан, — отмечал очевидец, — что они разразились по адресу де Витта громом аплодисментов...»

Баскетбол: Американская забава «васькинбол»

В 1906 г. в Петербурге появился баскетбол. Это событие связано с именем американца Эриха Мораллера – специалиста по физическому воспитанию, приехавшего в северную столицу поздней осенью 1906 г. Ничего удивительно, что в поисках места работы он обратился в общество «Маяк», основанное американцем Джеймсом Стоксом и служившее одним из мест «американского влияния» в Петербурге.

В «Маяке» Мораллеру предоставили должность директора физического развития. Чтобы завоевать популярность среди молодежи, Мораллер переделал всю программу физического воспитания в обществе, а акцент сделал на практически не известный еще в ту пору в России баскетбол. Эта игра считалась американской затеей: она появилась в конце 1891 г. в стенах Международного тренировочного колледжа молодежи YMCA в городке Спрингфилд (штат Массачусетс). По легенде, баскетбол будто бы родился случайно, когда на одном из спортивных занятий преподаватель колледжа Джеймс Нейсмит решил занять чем-нибудь своих учеников, а под рукой у него оказались мяч и пара корзин из под персиков.

Джеймс Нейсмит

Петербургские «пионеры» баскетбола столкнулись почти

с такой же проблемой: в помещениях училища Св. Анны на Кирочной улице и фехтовально-гимнастической офицерской школы на Инженерной улице, которые арендовал «Маяк», не было оборудования для баскетбола. Тогда Эрих Мораллер нашел экстравагантный выход из положения, подобно Нейсмицу, приспособив для игры футбольные мячи и мусорные корзины.

Именно 1906 г. считается годом рождения баскетбола в России, когда в обществе «Маяк» возникли первые баскетбольные команды. Демонстрацию игры в баскетбол Мораллер устроил в конце февраля 1908 г., когда «Маяк» открыл в собственном здании на Надеждинской улице «образцово-показательный» гимнастический зал. Игра закончилась боевой ничьей со счетом 10 : 10. А в 1909 г. уже десять команд «Маяка», разделенные на две группы, разыграли приз Эриха Мораллера – «Серебряный кубок». Игры длились почти полтора месяца и собрали большое количество зрителей.

Победительницей соревнований стала команда «лиловых», а капитан ее команды, петербуржец Степан Васильевич Васильев, стал настоящей легендой отечественного спорта. Его называли впоследствии «дедушкой российского баскетбола» и «русским Нейсмитом». Говорят, что он демонстрировал публике в Александровском садике у Адмиралтейства новую игру, шутливо названную горожанами «васькинбол».

Ради популяризации баскетбола в обществе члены обще-

ства «Маяк», совместно с кружком любителей спорта, устроили спортивный вечер 10 сентября 1909 г. в рамках проходившей в Михайловском манеже российско-шведской выставки физического развития и спорта. «Вечер прошел с таким оживлением и так заинтересовал многочисленную публику, что его смело можно назвать самым удачным из бывших до сего времени спортивных празднеств и состязаний на арене выставки, – сообщала газета «Новое время». – Очень понравилась публике малоизвестная еще у нас игра в „Баскетбол“, в которой приняли участие две команды „Маяка“». Это был первый в России публичный баскетбольный матч. Успех игры оказался настолько велик, что по просьбе комитета выставки игру повторили. В том же 1909 г. состоялся и первый международный матч – с родоначальниками баскетбола, сборной YMCA. (Согласно некоторым источникам, эта игра стала первым международным матчем в истории всего мирового баскетбола.) Российская команда одержала сенсационную победу.

Что же касается волейбола, родственного баскетболу, то он появился в Америке, в том же штате Массачусетс, только в другом колледже и на четыре года позже – в 1895 г. В Европу волейбол пришел на рубеже XIX—XX вв., а в Россию уже после революции – в начале 1920-х гг. Первые волейбольные команды в нашем городе организовали студенты Института физкультуры имени П.Ф. Лесгафта в 1928 г.

Акробатика: «Похождения канатоходца»

В прежние времена акробатические упражнения демонстрировали бродячие цирковые артисты, поэтому судьба акробатики тесно переплеталась с историей цирка. Постепенно из цирковых упражнений стало выделяться особое направление – спортивная акробатика. Так, в Петербурге в 1900 г. появились самостоятельные акробатические кружки, а спустя несколько лет состоялись первые соревнования акробатов-любителей.

На рубеже XIX-XX вв. огромной популярностью в Петербурге пользовался акробат, канатоходец и гимнаст Федор Федорович Молодцов, выходец из Ярославской губернии. Своими сенсационными трюками он прославился на весь мир.

Имя его постоянно мелькало в газетах и афишах, но все эти сведения очень скупы и разрозненны. Так бы и остался Молодцов в забвении, если бы не собственноручно им написанная автобиографическая книжка под названием «Коммерсант на канате, или Похождения известного русского канатоходца Федора Молодцова». Выпустила ее петербургская типография В.Г. Авсеенко, а в пояснении к книге значилось: «Составил без посторонней помощи сам Федор Молодцов.

28 июня 1895 г.».

Согласно этой книжке, написанной с хорошим чувством юмора, Федор Молодцов родился в феврале 1855 г. Будучи еще в детских летах, был привезен отцом на заработки в Петербург. Здесь устроился учеником в типографию, но больше интересовался зрелищами и представлениями. В те годы в Зоологическом саду ходил по канату Егор Васильев. Частенько любовавшийся его выступлениями Молодцов тоже решил научиться ходить по канату. С этой целью он натянул канат между сараями и начал усердно тренироваться.

Некоторое время спустя, приобретя простейшие навыки балансирования, пришел в Зоологический сад и, набравшись смелости, вызвался выступать перед публикой. Попытка стать артистом не прошла даром: директор сада Рост, сам бывший в молодости канатоходцем, усмотрел в парне незаурядные способности и начал с ним заниматься.

Дебют Молодцова, под псевдонимом Федор Иванов, состоялся 17 мая 1873 г. в увеселительном саду за Невской заставой. Так началась его артистическая деятельность. Впоследствии Федор то танцевал на канате в балагане В.М. Малофеева, то выступал в акробатической труппе, то добывал себе пропитание, исполняя гимнастические и акробатические трюки. В 1876 г., используя интерес зрителей к иностранным артистам, взял себе звучный псевдоним Жак Ричард, а на следующий год выступал в цирке в Гельсингфорсе.

Дела Федора Молодцова шли успешно. В 1878 г. он стал владельцем увеселительного сада и бильярдной, а с 1879 г. со своей группой артистов начал гастроли по России и за границей. В Европе оценили русскую экзотику. За короткое время Молодцов создал отличный номер эквилибристики на канате, да причем такой, что только в Берлин его приглашали выступать восемь раз, и каждое новое выступление проходило с все возрастающим успехом. В течение десяти лет Федор гастролитовал в Италии, Франции, Англии, Швеции, Швейцарии, Дании, Бельгии, Финляндии. В Лондоне Молодцова прозвали «русским чудом», после того как он совершил сенсационный переход по канату через Темзу. Позднее в Финляндии Молодцов таким же способом перешел через знаменитый водопад Иматру.

В 1892 г. Федор Молодцов вернулся в Россию уже как всемирная знаменитость и стал постоянно жить в Петербурге. Он продолжал выступления, а также обучал мастерству эквилибристов и акробатов молодых цирковых артистов. Кстати, в мае 1896 г. Молодцова пригласили в Москву для выступлений в праздничной программе по случаю коронации императора Николая II. Восхищенные зрители без конца вызывали прославленного артиста, и он ходил по канату над огромной толпой почти беспрерывно от 9 до 17 часов.

В середине 1890-х гг. в России гастролитовал известный в Европе и Америке французский канатоходец Эмиль Гравле Блонден, прославившийся тем, что перешел по канату

над крупнейшим на нашей планете Ниагарским водопадом. В Петербурге Молодцов и Блонден померялись силами. На спор с Эмилем Федор перешел Неву по канату в ее широком месте, а его соперник совершил такой переход только там, где река сужалась – напротив Меншиковского дворца.

Каждое выступление Молодцова на публике являлось своего рода театральным представлением. Он выходил на манеж в русском наряде, поднимался на канат и, сбросив верхнюю одежду, оставался в легком трикотажном костюме. В таком виде артист ходил и бегал по канату. Иногда выступление осложнялось: Федор балансировал на канате с лампой на голове или с подносом, на котором стояли кипящий самовар и наполненные кипятком чашки. Он надевал на ноги коньки или же, привязав к подошвам кинжалы остриями внутрь, переносил по канату человека, сидевшего у него на плечах. Он мог ставить на канат стул и сидеть на его спинке, ходить по канату на ходулях или с завязанными глазами и с мешком на голове, танцевать на канате трепака, казачок, лезгинку, мазурку и при этом самому себе аккомпанировать на балалайке. На плечах Федор носил небольшую пушку, из которой стрелял, дойдя до середины каната.

Как сообщалось в афишах, «Молодцов вызывает желающего пробежать по доске, положенной на высоте двух аршин, ранее, чем он пробежит по канату на высоте ста футов. Победителю приз – карманные глухие часы». Кроме того, Молодцов исполнял лучший номер своего репертуара – бег по

канату с «усиленным бриллиантовым фейерверком».

Однако особенно сложным и эффектным являлся его номер под названием «Огненный несгораемый рыцарь», исполнявшийся в темноте. В костюме рыцаря артист бежал по канату с фейерверками в руках. На концах балансира – шеста, который для сохранения равновесия держал в руках канатоходец, – вертелись два больших горящих колеса. На всем костюме также размещались различные пиротехнические устройства. Все это рассыпалось на тысячи разноцветных огней, рвалось, взлетало высоко в воздух. Сложность выступления заключалась прежде всего в этих взрывах, нарушавших равновесие канатоходца. Номер был очень тяжел в исполнении и до настоящего времени никем не превзойден и даже не повторен. Сам Федор Молодцов показывал «Огненного несгораемого рыцаря» чаще всего на бенефисах и после такого выступления должен был отдыхать два-три дня – ранее этого срока руки ни для какой работы негодились.

Тем временем возраст и здоровье давали о себе знать. Последний раз Молодцов выступал на канате в Риге в 1912 г. Судьба распорядилась так, что свои последние дни он провел в городе Угличе – в доме престарелых. Там он и умер, как отмечалось в карточке об умершем, «от старческой дряхлости» 1 марта 1919 г.

Тяжелая атлетика: «Мы все в восторге от борцов...»

«Увлечение атлетами не только не проходит, но и захватывает все более и более широкие слои, – восклицал в июле 1907 г. обозреватель «Петербургского листка». – Поехать в сад, где подвизаются разные „чемпионы мира“, считается своего рода шиком. Хорошенькие женщины, степенные господа, занимающие видное общественное положение, молодежь, – словом, все посетители театров и садов с увлечением смотрят на борцов и любуются их мускулатурой».

Действительно, чемпионаты борьбы являлись в конце XIX – начале XX вв. одним из любимых зрелищ петербургской публики, а борцы-тяжелоатлеты являлись настоящими кумирами. В ту пору тяжелая атлетика охватывала три вида спорта, которые теперь культивируются самостоятельно: поднятие тяжестей (главным образом, гирь и штанги), борьбу и бокс.

И.С. Щедровский «Борцы». 1830-е гг.

Сначала в России возникли существовавшие практически нераздельно гиревой спорт и борьба – профессиональная и

любительская. Потом появился бокс, прямым предшественником которого были кулачные бои.

Впрочем, надо сделать краткий экскурс в историю. Как известно, спортивное значение борьбе стали придавать со времен Древней Греции. Атлет Тезеус разработал первые правила спортивной борьбы. Победителем считался тот, кто трижды бросит соперника на землю. Наносить удары руками и ногами запрещалось: уже тогда бокс существовал как самостоятельный вид спорта. У римлян борьба стала одним из популярнейших видов спорта, а чемпионы-борцы почитались как народные герои. В Древнем Риме борьба демонстрировалась в сочетании с кулачными боями, а в боях гладиаторов, многие из которых в совершенстве владели приемами борьбы, – с вооруженным боем.

В эпоху средневековья борьба как спорт перестает существовать. Тем не менее на протяжении веков во многих странах борьба оставалась любимым народным развлечением. Развитие современной спортивной борьбы началось в конце XVIII – начале XIX вв. Центром ее развития стала Франция, именно там «реконструировали» традиции и принципы греко-римской борьбы. В середине XIX в. сформировалась классическая борьба как стиль.

В 40-х гг. XIX в. в Париже появились первые арены, на которых выступали борцы-профессионалы. Были разработаны первые правила соревнований борцов. Во Францию приезжают борцы из других стран: Германии, Италии, Турции,

России и др., чтобы принять участие в соревнованиях, а также познакомиться с организацией и правилами проведения борцовских турниров. Очень скоро французская борьба получила международное признание. В 1896 г. ее включили в программу первых Олимпийских игр под названием «греко-римская борьба». В XX в. французскую борьбу называли классической, а в 1991-м в официальный обиход вновь ввели название «греко-римская борьба».

«Отец русской тяжелой атлетики»

Основоположником развития тяжелой атлетики в России считается врач Владислав Францевич Краевский, организовавший в 1885 г. в Петербурге Клуб любителей атлетики. Сегодня имя Краевского мало известно широкой публике, а на рубеже XIX – начала XX вв. его знали во всей России, слава о нем разносилась по странам Европы. Его совершенно заслуженно называли «отцом русской тяжелой атлетики». Когда-то петербургские атлеты распевали песенку:

...Краевский – основатель
Атлетики у нас,
Он – гирь изобретатель...
«Мерси-с» ему от нас.

Начиналось все достаточно прозаично: приехал он в Петербург из Варшавы, где получил среднее и начало высшего образования, которое завершил на медицинском факультете в Дерптском (ныне – Тартуском) университете. В столице Краевский с успехом занялся врачебной практикой, завоевав любовь и доверие своих пациентов. В столице он пользовался популярностью, особенно среди небогатых петербуржцев, которых лечил бесплатно и помогал деньгами на лекарства и питание. Из-за большой бороды его называли «старым доктором», хотя Краевский вовсе не отличался преклонным

возрастом: в год основания атлетического кружка ему было всего 43 года.

Увлекавшийся еще с детства гимнастикой, Краевский теперь стал много работать над вопросом о ее применении для лечения некоторых болезней. Другим стимулом послужила встреча в 1885 г. с приехавшим в Петербург берлинским атлетом Шарлем Эрнестом. Под его руководством Краевский стал заниматься тяжелыми гирями, пропагандируя свое занятие среди приятелей-врачей.

В.Ф. Краевский. Фотография конца XIX в.

Вокруг Владислава Францевича собралась компания людей, тоже увлекшихся гиревым спортом. Так 22 августа 1885

г. родился кружок любителей атлетики – первый в России кружок атлетического спорта. День основания кружка стал днем рождения русской тяжелой атлетики. Чтобы войти в курс дела, Краевский отправился в Берлин, Вену и Гамбург, где в то время поклонялись культу развития силы. Там он познакомился со всеми выдающимися атлетами и научился у них системам тренировки.

Вернувшись в Петербург, он устроил в своей квартире на Михайловской площади богатейший атлетический кабинет, равного которому, по отзывам современников, «не было тогда в целом мире и, может быть, нет и теперь». Это был великолепный большой зал, днем залитый солнечным светом, а вечером ярко освещенный электричеством. Сверху донизу стены кабинета украшали фотографии борцов, атлетов, гимнастов-профессионалов и любителей. Коллекция атлетических снарядов не имела себе равной в Европе и включала всевозможные гири, штанги, прикрепленные под потолком кольца. В углу кабинета стояла мраморная ванна, в которой можно было выкупаться после упражнений.

Именно здесь стали проходить собрания-тренировки кружка Краевского, открытого для всех желающих, независимо от сословных, национальных и любых других различий. Как вспоминал один из учеников Краевского И.В. Лебедев (впоследствии знаменитый арбитр французской борьбы, известный на всю Россию как «дядя Ваня»), «здесь не было гостей, не было хозяина».

За рекорды в кружке выдавались призы-дипломы в виде фотографий выдающихся атлетов с указанием на обратной стороне, за какое упражнение и с каким весом выдана эта награда. Среди профессионалов, возвращенных в кружке Краевского, были известные потом борцы В.А. Пытлясинский, Г. Гаккеншмидт, Г. Лурих и другие.

Краевский стал устраивать в Петербурге матчевые встречи атлетов, на эти состязания он специально приглашал иностранных и русских силачей и борцов, организовав первые в России чемпионаты борьбы и соревнования по тяжелой атлетике. Так, 16 декабря 1895 г. кружок Краевского открыл первое в России любительское атлетическое представление. А в январе 1898 г. кружок преобразовался в С.-Петербургское велосипедно-атлетическое общество, собравшее около трехсот членов.

Участники С.-Петербургского велосипедно-атлетического общества в атлетическом кабинете доктора Краевского на Михайловской площади. В нижнем ряду в центре – председатель общества Владислав Францевич Краевский. Начало 1900-х гг. Фотограф Карл Булла

«Работа в кружке кипела вовсю, – вспоминал впоследствии И.В. Лебедев. – Душой ее был вечно жизнерадостный, седовласый Краевский, или, как его все называли, „старый доктор“. „Весь мир на нас смотрит“, – говорил Краевский

атлету, показывая на карточки силачей, висевшие на стенах. Каждый новый день приносил кружку все новые успехи. Скоро члены кружка начали устанавливать такие рекорды, которые поставили их на одно из видных мест в ряду европейских атлетов. Кружок Краевского стал широко известен не только в России, но и за границей. Все приезжающие на гастроли в Петербург европейские знаменитости считали своим долгом представиться „старому доктору” и посмотреть его уютный кабинет».

Как рассказывал «Дядя Ваня», в этом случае Краевский неизменно заказывал своему старому вечно подвыпившему повару Ксаверию традиционный ростбиф, и оживленная спортивная беседа затягивалась до 2-3 часов ночи. Имя Краевского было так популярно в европейском спорте, что когда в 1898 г. Венский «Attletiksports Klub» устроил всемирный чемпионат по подниманию тяжестей и борьбе на празднествах в честь 50-летия правления императора Франца Иосифа, Краевский был выбран одним из президентов и судей чемпионата.

...Казалось, ничто не предвещало беды. Владислав Францевич всегда отличался редким здоровьем и в течение почти тридцати лет ни разу серьезно не болел. И вот 10 февраля 1900 г., вечером, возвращаясь из докторского клуба, он поскользнулся на Аничковом мосту, упал и повредил себе ногу. Краевский слег, а 1 марта 1901 г. на 62-м году жизни скончался. Случившееся казалось современникам чудовищ-

ной нелепостью. Ведь еще совсем недавно любимый всеми доктор легко поднимал штангу в 10 пудов (и это в 60 лет!), катался на велосипеде, состязался в плавании, купался круглый год и не уставал работать.

По воспоминаниям И.В. Лебедева, на панихиде не было свободного места в его квартире, стоял народ и на улице. «... Плакали все и плакали хорошими искренними слезами по этом хорошему, добром человеке». 4 марта Краевского похоронили на Выборгском римско-католическом кладбище.

«Спортсмен-меценат»

Кроме доктора Краевского знаковой фигурой в русской тяжелой атлетике и борьбе являлся граф Георгий Иванович Рибопьер (1854-1916), его хорошо знали не только в спортивном мире, называли «славой и гордостью русского спорта, величайшим в мире спортсменом-меценатом». «Нет ни одного человека в спортивном мире, кто не знал, хотя бы понаслышке, графа Рибопьера, – замечал в 1905 г. петербургский «Иллюстрированный журнал атлетики и спорта». – И нет среди них ни одного, который бы отозвался о нем без уважения».

Жизнь этого человека изобиловала крутыми поворотами судьбы, но, надо признаться, фортуна никогда не изменяла ему. Георгию Рибопьеру посчастливилось появиться на свет в богатой графской семье, а потому перед ним были открыты все дороги. Родился он в Царском Селе, и, по традиции того времени, из сырого питерского климата его отправили к теплому морю – в Италию, где он прожил до 16 лет.

Мальчик по природе был крепким, а южное солнце и горный воздух сделали его сильным не по годам. В 12 лет он начал заниматься во Флорентийском гимнастическом обществе, а спустя два года стал тренироваться в цирке «Гелиом». Когда несколько молодых флорентийцев организовали свой любительский цирк, русский «графчик» примкнул к ним.

Здесь он прошел всю цирковую науку. Особенно нравились ему прыжки с высокого трамплина.

Летом юноша уходил с отцом на несколько месяцев путешествовать по швейцарским горам. Пешком они вдоль и поперек обошли всю Швейцарию, поднявшись на многие горные вершины. Неудивительно, что даже в самом распространенном в то время состязании – «ходьбе-беге по горам» – молодой Риборьер ни в чем не отставал от своих ровесников. Однажды он выиграл первый приз среди ста участников. Причем этим призом, который стал первым в спортивной карьере Рибопьера, была, обычная медная кастрюля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.